Р1
С13
к866049МР

ТЕСКОЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

БИБЛІОТЕКА ... Госуд. ... Петербургъ

В. Н. Савинова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1853.

Р1
С13

ТЕСКОЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

БИБЛИОТЕКА
Яросл. Госуд.
Университета

В. Н. Салинова.

К866049 МР

3 10.393.

Проверено
в 1955 г.

1962

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

1853.

ЯРОСЛАВСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
научная библиотека
им. Н.А. Некрасова

ЯРОСЛАВСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
ПРЕДИНСТИТУТА
им. УШИНСКОГО
БИБЛИОТЕКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы о отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. 7 декабря, 1853 года.

Цензоръ *Н. И. Пейкеръ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

		стр.
Прологъ.	Три пояса.	1.
Глава I	Томъ-Кукъ.	29.
II.	Послѣдній Макъ-ленъ.	40.
III.	Хунзах-Гарскій Харемъ.	78.
IV.	Тайна Тескольскаго Ущелья.	91.

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Глава I.	Наѣздъ.	99.
II.	Старые друзья.	108.
III.	Абреки.	124.
IV.	Печальная новость.	148.
V.	Плѣнницы и кладъ.	161.
VI.	Томъ-Кукъ.	180.

ТЕСКОЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

ПРОЛОГЪ.

ТРИ ПОЯСА.

Лѣтъ шестьдесятъ назадъ, въ Одохарскомъ Ущельѣ, на площадкѣ скалъ, раскидывался хорошо и удобно построенный пріютъ путниковъ. Бѣлыя, мазанковыя стѣны его можно было видѣть отъ самаго аула Рыдца. Днемъ узнавали его по высокой, зубчатой стѣнкѣ, обращенной на Востокъ, ночью — по пламени смолевой бочки, горѣвшей

постоянно надъ правымъ обрывомъ, выдавшимся на тропинку. Всегда и во всякое время пріютъ этотъ былъ полонъ проѣзжими торгашами и купцами. Арбы десятками стояли у воротъ мазанковаго зданія; въ балкѣ, побрякивая бубенчиками, паслись сотни коней; на дворѣ и въ сакляхъ, расположенныхъ около него полукругомъ, вѣчно раздавались веселая пѣсня проѣзжихъ, ихъ говоръ, звонъ серебра и золота, которыя переходили изъ рукъ въ руки между страстными охотниками до игры въ карты и кости. Странствующіе разсказчики, фанатики-муллы, туманя правовѣрныхъ, не покидали ни днемъ, ни ночью этого пріюта; разнообразіе развлеченій увеличивалось еще и пляскою погливана, его неумытными остротами и фокусами. Но никто изъ всѣхъ этихъ затѣйниковъ не привлекалъ къ себѣ столько общаго вниманія, какъ словоохотливый Гіе-ю-ко (разсказчикъ), сѣдой старикъ, родомъ Лезгинъ. Онъ исходилъ вдоль и поперегъ горы Кавказа, наглядѣлся вдоволь и горя и радостей, подсмотрѣлъ много, извѣдалъ еще больше; запасъ его разсказовъ былъ неистощимъ. Всѣ горскія легенды, сказки, преданія и повѣрья онъ зналъ такъ же хорошо, какъ свои грѣхи и абазы. Извѣстно, что

всѣ жители Востока большіе охотники до чудныхъ разсказовъ, а потому и неудивительно, что большинство выручки за трудъ и большинство посѣтителей всегда было на сторонѣ Гіе-ю-ко.

Однажды, ненастною ночью, три каравана сдѣлали привалъ въ одахарскомъ духанѣ. Несмотря на усталость и утомленіе, нѣкоторые изъ проѣзжихъ не могли отказать себѣ въ удовольствіи скоротать часъ или два въ главной мазанкѣ. Общество этихъ неутомимыхъ посѣтителей представляло странную смѣсь одеждъ и лицъ. Турецкія чалмы, греческія фустанеллы, синія куртки европейскихъ матросовъ, черныя лица Мавровъ, прикрытыя красною феской, были перемѣшаны здѣсь, какъ на всемірномъ торжищѣ. Одни занялись игрою въ кости, другіе — въ карты, третьи—разсказами о путевыхъ встрѣчахъ... Но вотъ раздалось обычное: «Слушайте! слушайте!» и посѣтители сдвинули тѣсный кружокъ около стараго Гіе-ю ко. Ближе всѣхъ его обступили чалмы и Кабардинки горцевъ. Какой-то рослый матросъ, въ синей курткѣ, перетянутый краснымъ кушакомъ, положивъ на колѣни свою клеенчатую шляпу, пріютился у дверей, повидимому, съ непремѣннымъ желаніемъ вздремнуть; на шагъ отъ

него два Мавра растянулись на диванѣ, медленно потягивая струю табачнаго дыма изъ своихъ щегольскихъ стамбулокъ; старый жидъ, перешептываясь о чемъ-то съ молодымъ Грекомъ, при словѣ: «слушайте!» какъ будто-бы окаменѣлый, остался недвижимъ у малгана мазанки и вперилъ свои маленькіе глаза въ разсказчика.

Послѣдній, обобравъ въ свою шапку чаури и абазы, внимательнымъ взглядомъ окинулъ толпу присутствующихъ и, довольный общимъ вниманіемъ, началъ:

«Разскажу вамъ, кунаки — сказалъ онъ — одно изъ горскихъ преданій. Лѣтъ десять тому назадъ, богатый грузинскій купецъ Даміанъ вздумалъ со всѣми своими сокровищами переселиться изъ Кизляра въ Кафу. Такого богача, какъ Даміанъ, не запомнитъ Кизляръ ни прежде, ни послѣ его... Говорятъ, погреба ломились отъ золота; а что было шелковъ, шалей, парчей дорогихъ, ковровъ тегеранскихъ—безъ счету! Какъ пройдти горы съ такимъ сокровищемъ? Гдѣ набрать цѣлыя сотни вѣрныхъ проводниковъ? Да и какъ нагрузить караваны, чтобъ добрые помощники не украли тюкъ шелку, или связку-другую дорогой ткани? А жаденъ былъ Даміанъ, какъ песъ некормленный, любилъ денежку, съ судорогой считалъ ее и во всю жизнь не кинулъ даромъ зерна кукурузы. Задумался старикъ; и хотя, какъ говорили, знался съ шайтаномъ, однако нескоро набрался ума: дней пять не ѣлъ, ночей десять не спалъ, исхудалъ, сгорбился, кровью кашлять сталъ; измучила его тоска, а хочется въ Кафу... Надоѣло старику торговать въ духанахъ; запросило сердце почета и ласки, а гдѣ жь ихъ было найдти, или купить тогда, какъ не въ Кафѣ. Вотъ наконецъ надумался скряга; рѣшилъ вымѣнять свое добро и золото на камни драгоцѣнные у Индійцевъ... Вымѣнялъ. Опустѣли его амбары; послѣдній позументъ исчезъ съ черкески, зато въ трехъ поясахъ спрятались сокровища. Темною ночью, съ своимъ богатствомъ и вѣрнымъ слугою, Мавромъ, Даміанъ въ рваномъ папахѣ и на тощей лошаденкѣ пустился въ горы. Смекнули горные хищники въ чемъ дѣло, а быть-можетъ, и шепнулъ имъ кто-нибудь, что поясъ Грузина дороже пояса Фатимы. Прыгнули горцы въ сѣдло, гикнули и бросились по слѣдамъ скряги... День прошелъ, два прошло—нѣтъ ни Мавра, ни Грузина; пайдутъ слѣдъ ихъ, держатся имъ до

полудня—къ вечеру пропадетъ онъ. А между-тѣмъ Даміанъ уже давно бросилъ коня и идетъ такими трущобами, на которыхъ легкій туръ сломитъ шею, Гдѣ камнемъ запорошитъ слѣдъ свой старикъ, гдѣ на груди ползетъ съ крутизны; въ иномъ мѣстѣ на гниломъ бревнѣ переправится черезъ трещину, да его же и въ пропасть... Такъ прошло десять дней. Измучился Даміанъ; терновникъ и горные кремни въ клочья изорвали его одежду и тѣло... Къ-тому же ужь шесть сутокъ, какъ ни онъ, ни Мавръ не видали зерна хлѣбнаго, а кругомъ ни аула, ни сакли, ни деревца... Впереди Эльборусъ съ своими пропастями и топями, которыя раскинулись кругомъ его; позади страшныя тропинки и обвалы. Спустился старикъ со скалъ; голодъ и изнеможеніе одолѣли его; кое-какъ перебрался онъ за Рыкъ и рухнулся почти замертво при входѣ въ Тескольское Ущелье; рядомъ съ нимъ упалъ и вѣрный спутникъ. Плохо, кунаки, умирать въ сквозной саклѣ, безъ чаури въ карманѣ, безъ чурека въ зубахъ, но еще страшнѣе разставаться съ жизнью на распутьи, далеко отъ людей, въ пустынѣ, гдѣ стону и тоскливому воплю отвѣчаютъ только вѣтеръ ущелья, вскрикъ хищнаго карагута, да звонъ

кремня, падающаго въ кручу... И умирать отъ голода, тогда-какъ сокровища глотай хоть пригоршнями!... Плохо, кунаки, плохо! Лучше владѣть рваною кабардинкою Гіе-ю-ко, чѣмъ драгоцѣннымъ поясомъ Даміана... Темная ночь—продолжалъ разсказчикъ—раскинулась надъ Эльборусомъ, вѣтеръ завылъ въ ущельѣ и надъ горными потоками, громадныя сосны встряхнули своими верхами на скалахъ и скоро пронзительный вой шакаловъ, промчавшихся испуганной стаей по ущелью, предсказалъ близость опаснаго звѣря. Мавръ Али еще не потерялъ ни разсудка, ни памяти. Со страхомъ и ужасомъ осмотрѣлся онъ кругомъ и, собирая послѣднія силы, приподнялся на ноги. Впереди, на косогорѣ, что-то черное, медленно движущееся представилось его испуганнымъ глазамъ.

— Это звѣрь! прошепталъ Мавръ.—Даміанъ, тихо, продолжалъ онъ:—Даміанъ! очнись: страшный врагъ идетъ на насъ.

При послѣднихъ словахъ Али жизнь проснулась въ изнывавшей груди стараго Грузина.

— Что? Враги!... вскричалъ онъ въ какомъ-то помѣшательствѣ. Гдѣ, гдѣ они, Али?... Гдѣ наши винтовки?...

— Тс, Даміанъ... Тише! Это не хищники— Кабардинцы: этотъ врагъ опаснѣе и сильнѣе...

— Такъ кто же онъ, кто? Проклятый рабъ... ты смѣешься надо мною?

— Это медвѣдь, Даміанъ, и медвѣдь больше льва нашихъ степей... Смотри, какъ горятъ глаза его; мнѣ кажется, будто искры брызжутъ изъ нихъ... Сышишь, какъ сильно его дыханіе, какъ втягиваетъ онъ воздухъ...

Долгій и протяжный ревъ прервалъ слова испуганнаго Мавра. На этотъ ревъ снова откликнулись сотни шакаловъ и снова, съ визгомъ, промчались по ущелью.

— А, теперь вижу! почти съ восторгомъ отозвался старикъ:—вижу Али... Вѣрна ли рука твоя? не дрожитъ ли она? Бей его изъ винтовки...

— Нѣтъ, не могу, Даміанъ... я промахнусь...

— Ну, такъ ударимъ на него въ кинжалы.

— Что ты! Сохрани насъ Аллахъ!... Для чего мы будемъ дразнить звѣря? Лучше уйдемъ на скалы, взберемся на какую-нибудь кручу.

— На кручу! чтобъ тамъ, также, какъ и здѣсь, издыхать въ мученіяхъ голодной смерти... Врешь

ты, недовѣрокъ! Если мы будемъ храбры и смѣлы—жизнь наша спасена... понимаешь?

— Ничего не понимаю, благородный Даміанъ, отозвался Мавръ, во взглядѣ котораго отражался смертельный ужасъ.

— Ну, братъ Али, надо быть большимъ дуракомъ или трусомъ, чтобъ, при взглядѣ на такой славный кусокъ говядины, не чувствовать аппетита... Будь только смѣлъ—и эта тварь, вмѣсто того, чтобъ отнять у насъ жизнь, спасетъ намъ ее... Впередъ! впередъ Али!... За мною! Выправь твой кинжалъ — смѣлѣе!

И старикъ почти съ безумнымъ хохотомъ бросился по ущелью на встрѣчу звѣрю. — Не отставай Али! не отставай! кричалъ онъ. Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Али слѣдовалъ за своимъ господиномъ, трепетно прислушиваясь къ прерывистому ворчанью звѣря. Казалось, страшный врагъ готовъ былъ броситься на встрѣчу обезумѣвшему старику, но, какъ-будто бы удерживаемый чѣмъ-то, онъ только яростно ревѣлъ и бросался изъ стороны въ сторону...

— Проклятіе! вскричалъ Даміанъ, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впередъ: — проклятіе! насъ раз-

дѣляетъ пропасть! Али! винтовку!... Скорѣй! онъ уйдетъ!... Уходитъ! Трусъ! Трусъ... въ изступленіи заревѣлъ старикъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, или ища обхода, или завидѣвъ блестящій стволъ винтовки въ рукахъ Мавра, умный звѣрь взрывъ и далеко раскидавъ окружавшія его глыбы кремней, быстро сталъ взбираться на крутизны, по направленію къ сосновой рощѣ.

— Все кончено! Онъ ушелъ! почти шопотомъ сказалъ Грузинъ... Смерть! смерть голодная!... Ахъ, Али! за всѣ мои сокровища—кусокъ хлѣба! За всѣ три пояса—черствый чурекъ... Слышите вы! Кто за двѣсти алмазовъ продастъ мнѣ чурекъ? Кто?... Молчатъ! яростно повторилъ Грузинъ...

Мавръ, лишенный силъ истощеніемъ и страхомъ, который вынесъ за минуту, какъ вѣрный песъ, съ тоскою и стономъ упалъ къ ногамъ своего господина. Разсудокъ послѣдняго былъ близокъ къ помѣшательству.

— Ага, черный! сказалъ онъ:—ты хочешь завладѣть моимъ сокровищемъ! ты, собака! Зачѣмъ тебѣ мои алмазы?... Знаешь ли ты, что въ нихъ потъ мой, моя кровь, тутъ совѣсть моя, за нихъ вымѣнена свобода тысячи красивыхъ женщинъ,

надъ ними сотни безсонныхъ ночей провелъ я, какъ нѣжная мать надъ умирающимъ ребенкомъ!... Голубчики мои! глаза мои! душа, сердце мое! рыдая и цѣлуя поясы, шепталъ старикъ.— Али! Али! продолжалъ онъ:—трусишка Али, хочешь ѣсть! А, хочешь! На, на тебѣ горсть алмазной крупы—ѣшь! Я буду ѣсть, много съѣмъ... Онъ тяжело вздохнулъ и медленно опустился на землю. Помутившійся взоръ его, выражая ужасъ, дико блуждалъ по окрестности, тревожно останавливаясь на каждомъ предметѣ. Страшныя видѣнія начали проходить теперь передъ глазами умирающаго скряги. Судорожное движеніе мускуловъ, по временамъ сверкающій взглядъ и вставшій дыбомъ волосъ высказывали все ужасное состояніе души страдальца. Но вотъ, съ неимовѣрными усиліями онъ сползъ съ камня, на которомъ сидѣлъ до того, со страхомъ осмотрѣлся кругомъ и, шатаясь, побрелъ на выходъ къ ущелью. Здѣсь, обнаживъ кинжалъ, онъ принялся рыть землю. Съ каждымъ взмахомъ стали жизнь просыпалась въ немъ, съ каждой отдѣленной глыбой земли силы старика возобновлялись и прибывали, и наконецъ, прошептавъ какое-то заклинаніе, старикъ бережно сложилъ

свои сокровища въ вырытую яму, снова забросалъ ее землею и придавилъ камнемъ... Когда возвратился онъ на прежнее свое мѣсто, Али уже очнулся.

— Али, ты еще живъ? спросилъ Грузинъ.

— Живъ, отвѣчалъ слуга, съ изумленіемъ смотря на занятіе своего господина, который, положивъ на колѣно кусокъ пергамента, медленно выводилъ на немъ какіе-то странные знаки.

— Завѣщаю тебѣ мои сокровища, сказалъ старикъ, оканчивая свою работу, если только Господь поможетъ тебѣ пережить эту ночь и наутро встрѣтить кусокъ чурека или шашлыка... Возьми, Али, этотъ пергаментъ, продолжалъ онъ:—если въ тебѣ хватитъ ума, ты завладѣешь моимъ богатствомъ... нѣтъ—пѣняй на свою глупость.

Али молча взялъ поданную ему рукопись, безсмысленно просмотрѣлъ выведенные на ней знаки и бережно спряталъ таинственное завѣщаніе за черкеску. Грузинъ едва дышалъ; синеватая блѣдность покрывала лицо его; глаза его впали и страшно выглядывали изъ-подъ густыхъ бровей. Еще разъ онъ бросилъ тоскливый взглядъ въ ту сторону, гдѣ зарылъ свои сокровища, судорожно вздрогнулъ и, въ конвульсіяхъ, упалъ на землю. Мавръ наклонился къ лицу своего господина, какъ-бы стараясь прислушаться къ его дыханію, потомъ приподнялъ отяжелѣвшую голову Даміана и съ ужасомъ отшатнулся назадъ.

— Холоденъ, не дышетъ! сказалъ онъ. — Аллахъ, Аллахъ! еще нѣсколько часовъ—и тѣ же муки и тѣ же страданія заморозятъ кровь въ моихъ жилахъ! О, хоть бы каплю росы! Точно раскаленная сталь въ груди моей.... жажда и голодъ — страшная смерть!

Но вдругъ какъ-будто бы какое-то отрадное видѣніе оживило лицо страдальца. Дрожа, съ несказаннымъ восторгомъ Мавръ припалъ къ землѣ, прислушиваясь къ отдаленному шуму, раздававшемуся въ ущельѣ.

— Такъ! такъ! съ восторгомъ прошепталъ онъ: — это путники... это мое спасеніе!

Въ-самомъ-лѣлѣ, тамъ, гдѣ Тескольское Ущелье поворачиваетъ къ рѣкѣ Баксану, превращаясь въ этомъ мѣстѣ въ глубокую и цвѣтущую балку, послышалась заунывная еврейская пѣсня, свистъ бича и храпѣніе усталыхъ воловъ. Спустя нѣсколько минутъ, въ которыя бѣдный Али пережилъ, быть-можетъ, цѣлые годы тоски и ожиданія, вы-

сокая арба, запряженная парою воловъ, поравнялась съ нимъ.

— Спасите, спасите! вскричалъ Мавръ, кидаясь къ арбѣ.

— Кто тутъ? окликнулъ голосъ, когда волы остановились.

— Заблудившійся странникъ... шестыя сутки изнываетъ отъ голода; сію минуту только умеръ его товарищъ въ пыткахъ голодной смерти....

— Вотъ тебѣ кусокъ хлѣба; садись со мною въ арбу... Кто бы ты ни былъ, я сдѣлаю доброе дѣло, если могу помочь тебѣ, отвѣчалъ Еврей. При его помощи Али вскарабкался въ арбу. Волы тронулись, снова заскрипѣла арба, снова раздалась заунывная пѣсня Еврея, и скоро путники, переправясь въ бродъ черезъ Баксанъ, скрылись за вершинами Уллу-Кула.

Къ разсвѣту Мавръ былъ уже въ гостепріимной саклѣ Еврея. Обязанный ему спасеніемъ, Али ничего не утаилъ отъ своего избавителя, и даже показалъ ему завѣщаніе Даміана, предлагая раздѣлить богатство пополамъ...

— Неправда! неправда! перебилъ Еврей, стояв.

шій у молгана: Али предлагалъ только третью долю...

— Ну, третью и половину — для насъ это, очи сердца моего, все-равно возвразилъ Гіе-ю-ко, въ то время, какъ всѣ головы повернулись къ молгану и всѣ глаза остановились на Евреѣ...

— А ты развѣ знаешь эту исторію? спросило нѣсколько голосовъ.

— Знаю лучше, чѣмъ кто-нибудь, отвѣчалъ Еврей, въ глазахъ котораго опытный наблюдатель легко подмѣтилъ бы выраженіе сильнаго плутовства и удовольствія. —Знаю это лучше всѣхъ потому, продолжалъ онъ: — что Али былъ спасенъ мною...

— Эге! Гай! вотъ какъ! снова крикнули слушатели. —Разскажи, разскажи, Гацалъ-Шеуды!

— Пожалуй, слушайте купаки! отозвался Еврей.

— Проклятый жидъ, проворчалъ Гіе-ю-ко: — только хлѣбъ отбиваетъ у меня...

За послѣднія слова старикъ не опасался: ихъ никто бы не могъ услышать, потому-что всѣ любопытные уже перешли къ Еврею.

— А вотъ какъ это и было, говорилъ онъ: когда Али немножко поотъѣлся, обсохъ и выспался,

к866049 МР

то разсказалъ мнѣ исторію своихъ странствованій точно такъ, какъ разсказывалъ ее Гіе-ю-ко, съ тою только разницею, что ночь, въ которую умеръ Даміанъ, не была темная; даже и я помню, что луна не сходила тогда съ неба и только къ полуночи какъ-то странно начала чернѣть сначала съ одного края, потомъ дальше, и наконецъ отъ нея осталось одно черное пятно, которое снова и постепенно опять прояснилось... Вовторыхъ, купаки, кто сказалъ Гіе-ю-ко, что Грузинъ зарылъ свои сокровища на исходъ ущелья?

— А куда-же? спросилъ одинъ изъ любопытныхъ.

— Ну, ужь про то́ шайтанъ вѣдаетъ, отозвался Еврей: — только если этого не знаетъ Али, такъ ужь и никто не знаетъ...

— Правда, правда! замѣтили слушатели.

— Вотъ, когда онъ мнѣ разсказалъ всю исторію, то и предложилъ третью долю сокровищъ съ тѣмъ, чтобъ я шелъ съ нимъ искать ихъ. При этомъ Мавръ показалъ мнѣ и завѣщаніе, изъ котораго мы въ двѣ головы ровно ничего не поняли... Какія-то арабскія буквы, уголки, рожицы. Ну, кабала, ворожба — да и только! Надъ этой бумажкой продумали мы цѣлый день; наконецъ сознались, что оба глупы для такой мудрости, ударили по рукамъ, запаслись винтовками, хорошо выпили и отправились въ Тескольское Ущелье. На этотъ разъ ночь была темнѣе бороды муллы Джафара. Сабаки страшно выли въ нашемъ аулѣ, когда мы его оставили. Послѣднее обстоятельство навело на насъ маленькій страхъ, который мы скоро разогнали дружною пѣсней. Гадая о томъ, какая бы тайна заключалась въ завѣщаніи Даміана, мы незамѣтно миновали Уллу-Кулъ, наконецъ подъѣхали и къ Баксану. Вѣтеръ страшно завывалъ надъ рѣкою, и такъ ее вспѣнилъ, что, несмотря на щедрые удары ногайкой, лошади, фыркая и дрожа, съ пронзительнымъ ржаньемъ бросались въ сторону отъ обрыва, съ котораго нужно было бросаться въ бурунъ.

— Нехорошо, Гацалъ-Шеуды, сказалъ мнѣ Али: — ой худо, товарищъ: не бывать добру...

— А что? спросилъ я.

— Да ужь нехорошо: лучше вернемся; въ другой разъ попытаемъ.

— Это зачѣмъ?

— Повѣрь мнѣ, Гацалъ-Шеуды, говорилъ онъ:

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ научная библиотека им. Н.А. Некрасова

—наши лошади не воды трусятъ .. Горскій конь не боится потока и буруна, а тутъ что-нибудь еще другое...

— Однако, мудрый Али, что жь бы это другое?...

— Да ужь нехорошо, повѣрь мнѣ, право не даромъ у меня сердце побаливаетъ... Право, не навелъ ли на коней страхъ проклятый скряга...

«Не солгу, кунаки, что меня, при этой мысли, точно кто каленой иглой поподчивалъ въ пятку. Дрожь пробѣжала по тѣлу, въ глазахъ сдѣлалось такъ зелено, какъ-будто я руками хватался за дно Баксана.

— Къ-тому же вспомни, кунакъ, продолжалъ мой храбрый товарищъ:—собаки-то...

— Какія собаки? спросилъ я съ испугомъ...

— Ну, наши... Вспомни, какъ дьявольски завывали онѣ, провожая насъ изъ аула... Нѣтъ, какъ хочешь, а я поверну коня назадъ... Не хочу быть на зубахъ у этого голоднаго Даміана; ему теперь ни почемъ раскусить мою голову, какъ пустой орѣхъ, рѣшительно заключилъ Али. И Мавръ ужь готовъ былъ исполнить свое намѣреніе. Не знаю, жажда ли сокровищъ, отъ которыхъ, кунаки,

вѣрно бы никто не отказался изъ васъ, или лишній азерпешъ кахетинскаго, или, наконецъ, я былъ храбрѣе моего товарища, только рука моя невольно схватила подъ узду коня его.

— Стой, Али! сказалъ я. Если идти на добычу, такъ идти, а ужь не ходить, такъ нечего было и вспѣнивать нашихъ коней. Изъ пустаго страха, который ты самъ придумываешь и наклика-ешь на себя, намъ не для чего отказываться отъ обладанія этими двумя стами драгоцѣнныхъ алмазовъ, свѣтлыхъ какъ солнце, крупныхъ какъ ноготь великана! И что намъ сдѣлаетъ отживший Даміанъ? Ну-ка, скажи?

— Да, что сдѣлаетъ! Толкуй тутъ! возразилъ Али, начавшій ужь ободряться...

— Да однако, что же? Не бойсь укуситъ... Пусть онъ сунется, дамъ я этому скрягѣ испробовать моей нагайки, если онъ еще не угомонился и если кости его еще не растащены голодными шакалками...

— Постой, Гацалъ-Шеуды... Вѣдь онъ, не забудь, при жизни водилъ дружбу съ шайтаномъ!...

— А чихать мнѣ въ бороду этому шайтану,

если только онъ не заложилъ ее скрягѣ Даміану... Пойдемъ Али... Смѣлѣе!

— Пойдемъ!

Плети свиснули разъ, другой, кони взвились на дыбы, мы гикнули, пригнулись, еще разъ полоснули нагайками — и Баксанъ раступился надвое...

Вотъ и переправились мы, кунаки, въ ущелье. Вѣтеръ, вырвавшись изъ тѣснины вихремъ, встрѣтилъ насъ, осыпалъ съ головы до ногъ мелкою пылью. Встали наши скакуны, не идутъ ни взадъ, впередъ... Дрожатъ, храпятъ, упираются.

— Ну пропадай они! сказалъ я.— Долой съ сѣдла, Али, пойдемъ къ тому мѣсту, гдѣ ты получилъ отъ Даміана свое безтолковое завѣщаніе.

Али молча повиновался моему желанію. Взявшись за руки, мы, осторожно ощупывая каждый шагъ прикладомъ винтовки, пошли тѣсниной... Охъ кунаки, не запомню я такой страшной ночи, какую привелось мнѣ тогда извѣдать... Кругомъ тьма, вой вѣтра, плачъ шакаловъ, а впереди страшная встрѣча... Ужасъ! ужасъ! Ноги мои стали дрожать, руки тоже....

— Вернемся! шепнулъ Али... Смотри... вонъ

онъ... идетъ на встрѣчу! добавилъ онъ, задыхаясь.

Въ это мгновеніе кровь какъ-будтобы замерзла въ моихъ жилахъ, холодный потъ выступилъ на всемъ тѣлѣ... Я силился бѣжать, и не могъ: невидимая сила приковала меня къ мѣсту. Передъ нами, на камнѣ, сидѣлъ трупъ Даміана. Глаза его страшно вонзились въ насъ, губы шевелись, казалось, готовыя сказать что-то. Подлѣ меня раздался стонъ... Али, въ безпамятствѣ упалъ на землю. Я встрѣтился глазами съ привидѣніемъ... и больше ничего не помню...

Когда мы очнулись, день ужь сіялъ надъ ущельемъ. Коней нашихъ не было, оружія тоже: мы были обобраны до нитки, продрогли до мозговъ и, едва передвигая ноги, вернулись въ аулъ. Съ тѣхъ-поръ мы не рѣшались на второе испытаніе. Али, по моему совѣту, продалъ свое завѣщаніе за сто золотыхъ какому-то Мавру и пропалъ безъ вѣсти. О Тескольскомъ Ущельѣ скажу вамъ, что страшно заглядывать туда почью. Спросите Карачаевцевъ: они поразскажутъ вамъ о своихъ встрѣчахъ съ Даміаномъ. Трупъ его каждую полночь является на скалахъ, обходитъ ущелье,

потомъ садится на камень и горько плачетъ, прося крошку чурека и каплю воды... Да, да! кунаки, не заглядывайте въ Тескольское Ущелье! заключилъ Еврей.

Съ этими словами онъ оставилъ толпу изумленныхъ слушателей и вышелъ изъ мазанки. Только одинъ матросъ, въ синей курткѣ помѣщавшійся у дверей и прикинувшійся спящимъ, слышалъ, какъ проговорилъ жидъ, проходя мимо его:

«Задалъ же я имъ страху: теперь не всякій сунется за сокровищемъ, а между-тѣмъ мы разгадаемъ какъ-нибудь эти безсмысленные и таинственные знаки завѣщанія...»

Какъ и всегда, толпа слушателей, разставшись съ разскащиками, перешла къ своимъ сужденіямъ. Снова шумъ и говоръ раздались въ мазанкѣ. Посѣтители, раздѣлившись на партіи, заняли диваны, закурили свои трубки и принялись разработывать заданную имъ тэму.

Одинъ только матросъ не принималъ участія въ общемъ спорѣ. Какъ и прежде, оставаясь для всѣхъ невнимательнымъ и спящимъ, онъ насторожилъ ухо и не проронилъ ни одного слова изъ

разговора, начавшагося по уходѣ жида между двумя Маврами.

— Недурно, Эль-Гакимъ, говорилъ одинъ изъ нихъ: разсказъ Еврея, въ которомъ такъ же мало правды, какъ разума въ моемъ кинжалѣ — много помогаетъ намъ...

— Ты думаешь, Риза?

— Безъ солнца, Эль-Гакимъ, не умрешь въ степи отъ зноя, безъ улыбки милой не встрепенется сердце.

— А смотри, очи очей моихъ, что эта дрянная собака Гацалъ-Шеуды недаромъ приплелъ такую исторію, недаромъ онъ такъ щедро набилъ грязью рты правовѣрнымъ...

— Ты думаешь, Эль-Гакимъ?

— Безъ солнца, Риза, не умрешь, въ степи отъ зноя... повторилъ, въ свою очередь, Эль-Гакимъ. —Я увѣренъ, продолжалъ онъ, что Еврей имѣетъ у себя списокъ съ завѣщанія, которымъ ты владѣешь... Не даромъ онъ такъ много лжетъ....

— Ну, такъ что?

— Ничего больше; Гацалъ Шеуды разгадаетъ тайну.

— Не ему молиться за это счастье пророку, не

невѣрному пи.. шербетъ премудрости; только наши степные мудрецы умѣли разгадать эту тайну, которая разъяснена и спрятана въ моемъ поясѣ, а имъ завладѣть такъ же трудно, какъ заглянуть въ мою душу!

При послѣднихъ словахъ Мавра матросъ вздрогнулъ и притаилъ дыханіе, боясь проронить малѣйшій звукъ и самое ничтожное слово сосѣда.

— Ну, а если? таинственно спросилъ Эль-Гакимъ.

— Ничего онъ не сдѣлаетъ, отозвался Риза.... Да, успокойся: я даже не допускаю этой мысли.... Если въ десять лѣтъ не догадался, онъ не догадается, повѣрь мнѣ, и теперь. Затмѣніе близко—и сокровища наши.

— Ужасъ, ужасъ, Риза, сколько богатства!

— Да, двѣсти драгоцѣнныхъ камней....

— Мы будемъ первые купцы въ мірѣ.

— Купцы! съ презрѣніемъ возразилъ Риза:— нѣтъ; прочь тогда эта бродяжная жизнь, эти скверные базары! Мы будемъ первыми вельможами Стамбула... Ужь, Эль-Гакимъ, какой роскошный гаремъ построитъ Риза! сколько красавицъ будетъ въ немъ!

Долго еще мечталъ страстный Мавръ въ то

время, какъ товарищъ его забылся сладкимъ сномъ; наконецъ и онъ послѣдовалъ его примѣру.

Сакля пустѣла мало-по-малу. Одинъ караванъ уже отправился въ горы. Вожатые остальныхъ двухъ или спали, или еще доигрывали въ кости и прислушивались къ послѣднему разсказу Гіе-ю-ко.

Хозяинъ духана давно ужь обобралъ трубки, разбросанныя по окнамъ и стѣнамъ, продулъ ихъ, бережно уставилъ рядкомъ, обошелъ дворъ, перемѣнилъ пылавшую бочку и, укутавшись въ бурку, тревожно задремалъ на плоской кровлѣ главной мазанки.

Наконецъ все смокло въ духанѣ. Огни потухли, кости и деньги перестали звучать и бренчать. Утомленный Гіе-ю-ко, свернувшись, какъ сурокъ, захрапѣлъ на всю саклю; его примѣру скоро послѣдовали и другіе.... Какъ-будто бы какое очарованіе ниспало на одахарскій духанъ.

Все замерло въ немъ, все притихло, уснуло, и только говоръ сторожевыхъ въ балкѣ, да тотъ же звонъ бубенчиковъ, побрякивавшихъ на хомутахъ коней и воловъ, нарушали общую тишину.

Въ полночь, въ минуту общаго и крѣпкаго сна, кто-то осторожно, затаивъ дыханіе, привсталъ

съ дивана главной мазанки, обнажилъ кинжалъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, тихо подкрался къ спящему Ризѣ, раскинулъ его шитую серебромъ куртку, ощупалъ поясъ и со страхомъ и трепетомъ повелъ кругомъ тревожнымъ взглядомъ...

Спустя нѣсколько минутъ, сторожевые видѣли человѣка, вспрыгнувшаго на перваго встрѣчнаго коня, который, какъ вихрь, помчалъ своего всадника по направленію къ аулу Рыдца...

Шумъ и крупный говоръ разбудили на утро одахарскій духанъ.

— Насъ ограбили! обокрали! кричалъ изступленный Риза, не находя своего драгоцѣннаго пояса.—Кунаки, ради Аллаха помогите мнѣ сыскать вора... Два мѣшка золота, кто найдетъ его!

— Это Еврей Гацалъ-Шеуды! Это онъ, онъ! повторилъ Эль-Гакимъ.

Всѣ суетились, бѣгали, искали Еврея, который, какъ оказалось, уѣхалъ съ первымъ караваномъ.

Это оправдало Гацалъ-Шеуды.

Никто не вспомнилъ о росломъ матросѣ.

Его не было... Онъ пропалъ —

ДОЧЬ ЕВРЕЯ.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

ТОМЪ-КУКЪ.

Въ исходѣ XVIII столѣтія, когда еще всѣ укрѣпленія сѣверо-восточнаго берега Чернаго Моря находились во власти Турціи, торговля плѣнными едва-ли не составляла главнаго ремесла всѣхъ приморскихъ горцевъ Кавказа и бо́льшей части турецкихъ купцовъ. Кромѣ главныхъ базаровъ въ Бугуръ-Кале, Сухумѣ, Кодорѣ и Батумѣ, каждая бухта на берегахъ Абхазіи, Мингреліи и Имеретіи представляла печальную и отвратительную картину мѣны молодости и красоты на полированную сталь, мѣшокъ пороху и рѣдко на мѣшокъ золота.

Никѣмъ непреслѣдуемые, напротивъ того, поощряемые турецкимъ правительствомъ къ прибыльной торговлѣ горскими красавицами, турецкіе купцы не разставались съ моремъ даже и въ бурную осень; къ-тому же ни одно время года не представляло для нихъ столько заманчивыхъ выгодъ, какъ осень и зима, особенно послѣдняя. Не разъ ужь было говорено о томъ, что зима для горца, привыкшаго жить въ чистомъ полѣ наѣздомъ, засыпая снѣгомъ горныя тропинки, лишаетъ его всѣхъ удобствъ хищнической жизни и запираетъ въ сквозную саклю, на испытаніе всѣхъ лишеній. Въ это время голодный хищникъ съ радостью мѣнялъ на горсть пшена или пороха родную сестру, брата, сына и дочь. Покупатели, пренебрегая всѣми опасностями осенняго плаванія, являлись у береговъ Абхазіи во-время съ своими кочермами и брали ни за что дорогой товаръ, брали его изъ первыхъ рукъ. Также входило въ разсчетъ, что Эндери, *) главный рынокъ похищенныхъ невольниковъ, былъ довольно отдаленъ отъ этого мѣста.

*) Мѣстечко Эндери, Андреева деревня Аксаевской Области.

Часто суда эти гибли въ виду береговъ, и тогда горцы съ восторгомъ бросались въ море и грабили своихъ пріятелей, нерѣдко уводя ихъ въ неволю.

Вотъ почему, въ началѣ ноября 17** г. толпы сухумскихъ Абазиновъ, несмотря на проливной дождь и непогоду, почти двои сутокъ не покидали камышей, преслѣдуя жаднымъ взглядомъ небольшую кочерму, которая видимо была близка къ гибели. Судно, зарываясь въ волнахъ, то быстро неслось на голый рифъ, къ сторонѣ Пшады, то снова, увлекаемое порывистымъ вѣтромъ, исчезало въ открытомъ морѣ. Съ визгомъ крутились въ воздухѣ его оборванныя снасти, дрожа, со стономъ и скрипомъ выряло оно въ крутыхъ волнахъ; изнуренный работами и качкой, небольшой экипажъ кочермы безмолвно ждалъ своей гибели; къ-тому же въ этой толпѣ матросовъ, представлявшей смѣсь лицъ черныхъ, бѣлыхъ и смуглыхъ, въ толпѣ людей, разныхъ по вѣрѣ, языку и понятіямъ о жизни и смерти, въ рѣшительную минуту нельзя было ожидать никакого единодушія. Тутъ были Негры, Турки, африканскіе Евреи и даже Европейцы. Большинство составляли магометане. По-

слѣдніе, вѣрные своей мысли: «чему быть, то случится», перебирая четки и нашептывая стихъ изъ Корана, какъ стадо испуганныхъ овецъ, столпились въ носовой части судна, держась другъ за друга. Только одно лицо въ группѣ этихъ несчастныхъ отличалось невозмутимымъ спокойствіемъ. Это былъ мужчина высокаго роста, стройный и широкоплечій. Каждое его движеніе и по локоть обнаженныя мускулистыя руки высказывали его необыкновенную силу. Широкая распашная куртка и турецкія шальвары съ заткнутымъ за поясъ кинжаломъ составляли нарядъ его; но этотъ восточный костюмъ нисколько не отвѣчалъ ни блѣдной наружности незнакомца, ни его рыжимъ, всклокоченнымъ волосамъ. Крѣпко держась за румпель руля, широкоплечій матросъ смѣло и мастерски выдерживалъ удары волнъ, набѣгавшихъ на кормовую часть судна. Были минуты, въ которыя, облитый съ головы до ногъ волною, онъ выпускалъ изъ окоченѣвшихъ рукъ этотъ румпель, и тогда, брошенный качкою отъ борта къ борту, какъ-бы нечувствительный къ ушибамъ и холоду, снова бросался къ рулю; а между-тѣмъ съ каждымъ мгновеніемъ буря и вѣтеръ усиливались. Непроницаемая тьма раскинулась надъ разъяреннымъ моремъ, и волны его, набѣгая одна на другую, шумно и дробно разлетались мелкою пылью, сверкавшею фосфорическимъ блескомъ. Съ каждымъ взвизгомъ урагана кочерма теряла что-нибудь изъ своего вооруженія, и несмотря на это, матросъ съ какимъ-то ожесточеннымъ упорствомъ исполнялъ свою обязанность. Навалясь всею тяжестью своего тѣла на румпель, онъ суровымъ и презрительнымъ взглядомъ окидывалъ то мрачную и грозную картину моря, то группу своихъ товарищей. Наконецъ, руки его стали дрожать, мускулы тоже и скоро прерывистое дыханіе силача высказало все его истощеніе...

— Сюда! ко мнѣ... на руль! вскричалъ онъ; но вѣтеръ далеко относилъ слова, и только зловѣщій скрипъ судна да безсмысленный взглядъ пассажировъ были отвѣтомъ на призывъ матроса. «Бездушные люди! прошепталъ онъ: — быть такъ близко у цѣли и не имѣть ни средствъ, ни силы выкупить жизнь!.. Подлые трусы, не хотятъ пошевельнуть пальцемъ для своего спасенія! Эй, вы, негодяи! я окоченѣлъ, я обезсилѣлъ!... Ну, гибнуть, такъ гибнуть всѣмъ—брошу руль!

— Остановись! я помогу тебѣ.

Эти слова, сказанныя за плечомъ изнемогавшаго матроса, возвратили ему всю силу и бодрость. Жилистыя руки его впились въ румпель, и руль, какъ вкованный въ корму, остался безъ всякаго движенія. Товарищъ, предложившій свою помощь рулевому, по костюму, росту и физіономіи, составлялъ разительную съ нимъ противоположность. Съ перваго взгляда трудно было повѣрить, чтобы эта щегольская фустанелла и шитая серебромъ куртка одѣвали не станъ женщины, а мужчины. Правильныя черты лица его, осѣненныя длинною прядью черныхъ кудрей, рисовали столько женственности, столько красоты нѣжной и благородной, что въ другое время рулевой вѣрно принялъ бы своего товарища за бѣглую красавицу съ базаровъ Батума. Къ-тому же эти люди, едва-ли не впервый разъ встрѣтились другъ съ другомъ. Молодой красавецъ, только наканунѣ, при выходѣ кочермы изъ Трапезонда, нанялся въ число ея матросовъ.

— Навались, товарищъ! крѣпче.... сильнѣе... вотъ такъ... хорошо! руль слушаетъ! весело сказалъ рослый матросъ.

— Какая же отъ этого польза? недовѣрчиво возразилъ молодой человѣкъ.... Намъ все-равно не уйдти отъ бѣды: трюмъ полонъ воды....

— Гм. Полонъ? и очень?

— Да.

— Однако еще полчаса мы можемъ держаться: не хлебнемъ черезъ край?...

— Полчаса — небольше!

— Довольно и этого.... Смотри: видишь вдали мелькающіе огоньки?...

— Вижу.... это огни въ сакляхъ абазинскихъ ауловъ....

— Сохрани Богъ!... Это огни въ Анаклiи.

— Немного утѣшенія! Берегъ и тамъ и тутъ: мы должны разбиться.

— Справедливо. Однако, если мы ударимся въ устьяхъ Пшады, то должны ужь навѣрную топиться: выплывать на берегъ не стóитъ....

— Почему же, если достанетъ силъ и умѣнья?

— Не стóитъ, говорю я: насъ подберутъ тамъ Абазины и продадутъ въ горы... въ Анаклiи турецкій гарнизонъ и, стало-быть, есть надежда на спасеніе. Вотъ, товарищъ для чего я держу къ крѣпости и истощаю мои послѣднія усилія. Огни..

близко — навались! врѣжемъ кочерму на берегъ; смотри—она летитъ какъ конь-степнякъ!

Въ-самомъ-дѣлѣ, судно, направленное прямо по вѣтру, быстро неслось къ своей гибели и разрушенію. Волны, то перелетая черезъ палубу, то разсыпаясь на ней, казалось, съ удвоенною силою гнали полуразрушенную кочерму....

— Такъ! такъ! шепталъ рослый матросъ:—еще пять, шесть ударовъ въ корму—и только щепки брызнутъ фонтаномъ... Навались! навались, товарищъ... не давай отвести рулю: вѣтеръ, кажется, въ лобъ заходитъ!

Молодой человѣкъ, послушный голосу своего товарища, дружно и усердно помогалъ ему.

— У! да ты молодецъ! Сейчасъ, сію минуту треснемся... Ну-ка на прощанье твое имя, пріятель?

— Мое имя?... Одни меня зовутъ Муврахили, думая, что я Грекъ, другіе звали когда-то Ростиньякомъ.

— Э, да ты Франкъ, гяуръ, кяфиръ?

— Точно такой же, какъ и ты...

— А почему ты это знаешь?

— Въ твоемъ выговорѣ слышится англійскій акцентъ...

— Солгалъ, душа: я Шотландецъ, кровный Шотландецъ, потомокъ одного славнаго клана... теперь забылъ какого именно; знаю только, что меня зовутъ Томъ-Кукъ... Стопъ! стопъ, товарищъ! вскричалъ Томъ-Кукъ.... измѣняющимся голосомъ.... слышишь... А?

— Слышу визгъ и ревъ бури, больше ничего...

— Прислушайся, навостри ухо, причувствуйся, иначе сказать... вѣдь мы идемъ ко дну... каикъ! каикъ! кочерма идетъ ко дну! заревелъ матросъ голосомъ, въ которомъ отозвались всѣ ужасныя ощущенія души близкаго къ гибели. Этотъ отчаянный крикъ въ одно мгновеніе вывелъ изъ забытья и оцѣпенѣнія безмолвный экипажъ судна. Двадцать рукъ бросились къ талямъ, на которыхъ держалась шлюпка и двадцать рукъ спустили ее на воду. Теперь всякій спѣшилъ броситься въ каикъ; началась давка, блеснули кинжалы и на бортѣ судна завязалась ожесточенная драка.

— За мною, товарищъ, съ борта ихъ! вскричалъ Томъ-Кукъ, бросая руль, и, вооруженный то-

поромъ, онъ бросился къ борту... Но уже десять человѣкъ матросовъ были въ каикѣ...

— Довольно! довольно! раздалось внизу: каикъ не выдержитъ, всѣ утонемъ! Мустава-Кази! рѣжь веревки. И отдѣленныя веревки съ визгомъ поднялись надъ бортомъ въ ту минуту, какъ шлюпка, подхваченная волною, быстро исчезла въ ночной мглѣ.

На кочермѣ оетавались только Томъ-Кукъ и Ростиньякъ.

— Негодяи! простоналъ первый:—о, еслибъ зналъ я, что они сыграютъ съ нами такую штуку, еще утромъ прорубилъ бы дно этого грязнаго корыта... Ростиньякъ, нѣтъ ли рому?

— Нѣтъ! печально отозвался молодой человѣкъ.

— Скверно! Что́ же мы будемъ дѣлать?

— Будемъ молиться, Томъ-Кукъ: конецъ нашъ близокъ... Еще мгновеніе — и все кончено.

— Все кончено! отозвался Шотландецъ.—Однакожь, постой! Гдѣ мы?

— Теперь, кажется, въ виду Дранды; насъ несетъ къ Сухуму.

— Къ Сухуму! А это что?

— Буруны.

— Стало-быть, берегъ подъ-носомъ... Ну такъ въ воду! За бортъ, товарищъ. Умирать часомъ позже, часомъ ранѣе — все-равно. Ну, въ воду! За мной...

Въ эту минуту судно дрогнуло, тяжело взбѣжало на волну, отпрянуло назадъ и тихо стало погружаться въ бездонную глубь моря.

ГЛАВА II.

ПОСЛѢДНІЙ МАКЪ-ЛЕНЪ.

Въ глубинѣ горъ, прорѣзывающихъ сѣверъ Абхазіи, путникъ встрѣчаетъ вѣчную и безмолвную пустыню. Непроходимые лѣса и заповѣдныя рощи, въ которыхъ еще никогда не отзывался стукъ топора, покрываютъ эти горы. Столѣтнія сосны гніютъ здѣсь на корнѣ, густой терновникъ и можжевельникъ раскидываются по тропинкамъ, часто обнявшись надъ пропастью и скрывая страшную бездну. Громадные камни и глыбы кремнистыхъ лавинъ запираютъ дорогу на каждомъ шагу. Въ долинахъ, покрытыхъ дикими фруктовыми деревьями,

въ темныхъ ущельяхъ — та же пустыня, то же вѣчное молчаніе. Единственные обитатели этихъ мѣстъ: легкій туръ, кабанъ да безпріютный Абадзехъ, такъ же влюбленный въ одиночество, въ свою мрачную природу, какъ и горный орелъ. На всемъ протяженіи Кавказа всѣ племена его живутъ аулами, селеніями и семьями; въ Горной Абхазіи этого нѣтъ. Вскормленецъ ея лѣсовъ любитъ одиночество, взбирается на самую вершину сакль, и одинъ, далеко отъ людей, стявитъ свою саклю гдѣнибудь на закраинѣ обрыва; горный вѣтеръ и шумъ потока его собесѣдники, которымъ онъ повѣряетъ свои незатѣйливыя думы; меткій ударъ по кабану, одиночная охота на медвѣдя, иногда охота на сосѣда—вотъ его развлеченіе. Правда, онъ никогда и никому не откажетъ въ гостепріимствѣ, по завѣту отцовъ своихъ; но трудно страннику постучаться въ его саклю и переступить порогъ ея: непривычный глазъ едва-ли съумѣетъ отличить гнѣздо горца отъ глыбы грязи, прожженной солнцемъ. Несмотря на это, во время, описываемое нами, въ трущобахъ скалъ, при истокѣ Киласура, нѣсколько выше аула Алидзаръ, пролегала вьючная дорога, по которой проходили караваны съ

плѣнниками, скупаемыми въ землѣ Казылбековъ и Башильбаевцевъ. Единственная причина, поощрившая турецкихъ и еврейскихъ промышленниковъ избрать эту дорогу, заключалась въ томъ, что горцы, обитавшіе по истоку Киласура, болѣе терпѣли нужду, чѣмъ ихъ южные собраты и, слѣдовательно, съ охотоюшли въ проводники и еще съ бо́льшею продавали своихъ сестеръ и дочерей.

Хунзахъ-гарская Долина, заключенная между двумя рукавами Киласура, выбѣжавшими на западъ, служила главнымъ сборнымъ пунктомъ для караванов. Весною и лѣтомъ эта пустыня оживала частыми картинами кочевья и базара. Иногда безмолвною ночью, вдругъ, въ непроницаемой тьмѣ слышались удары бича, громкій крикъ проводниковъ, ржаніе коней, и затѣмъ вспыхивали костры походнаго огня. Въ минуту надъ нимъ подвѣшивались котлы, у костровъ располагались люди и собаки; вокругъ громадныхъ арбъ, татарской постройки, выростали шатры—и жизнь просыпалась здѣсь, откликаясь въ веселомъ смѣхѣ горцевъ и Турокъ въ заунывныхъ звукахъ чангура и напѣвахъ горской пѣсни. Разсвѣталъ день надъ Хунзахъ-Гаромъ, снова скрипѣли арбы, снова побрякивали звонкія уздечки и новыя толпы горцевъ прибывали сюда съ своими услугами и живымъ товаромъ. Осенью рѣдко просыпалась долина, и развѣ только одинъ запоздалый караванъ въ два мѣсяца появлялся здѣсь, оставаясь на короткую стоянку...

Ноябрское солнце давно уже разсыпало лучи свои надъ Хунзаръ-Гаромъ, но еще легкій паръ клубился падъ пропастями и надъ лѣсомъ въ то время, какъ два путника показались при опушкѣ чинарной рощи. Босые, съ непокрытою головой и въ однихъ только шальварахъ, пѣшеходцы легко бы привлекли вниманіе перваго встрѣчнаго на свой странный нарядъ, еслибы только въ этой пустынѣ и въ такое раннее утро можно было ожидать встрѣчи. Медленно и съ видимымъ утомленіемъ подавались они впередъ, безпрестанно озираясь направо и налѣво, какъ-бы желая въ группѣ окружавшихъ ихъ сосенъ, кремней и скалъ отыскать знакомый предметъ. Первый путникъ, рослый и крѣпкій въ тѣлѣ мужчина, шелъ нѣсколько бодрѣе своего молодаго и красиваго товарища; послѣдній едва передвигалъ ноги и почти переползалъ встрѣчные овраги

въ то время, какъ передовой легко и смѣло перепрыгивалъ ихъ. Миновавъ закраину рощи, они стали подниматься на крутизны. Здѣсь удвоилась для нихъ трудность переходовъ, и пройдя нѣсколько шаговъ, молодой путникъ, почти со стономъ въ изнеможеніи, упалъ на землю.

— Стой Томъ-Кукъ, сказалъ онъ:—я умираю отъ усталости, и больше ни шагу впередъ! Къ-тому же сознайся, что мы идемъ сами не зная куда... Наугадъ, быть-можетъ, прямо на прицѣлъ хищника...

Томъ-Кукъ остановился, тряхнулъ своею огромною головою и съ принужденною безпечностью принялся насвистывать пѣсенку. Болѣе пяти минутъ провелъ матросъ въ этомъ невинномъ занятіи, посматривая то съ сожалѣніемъ на своего товарища, то съ досадою на мрачную окрестность Хунзахъ-Гара.

— Ахъ ты память дурацкая! проворчалъ наконецъ Шотландецъ, оканчивая пѣсню свою рѣзкимъ, и пронзительнымъ свистомъ.—Два раза былъ я въ этой дрянной трущобѣ и не могу найдти тропинки, которая ведетъ къ саклѣ Еврея. Вонъ эти сосны... продолжалъ онъ въ раздумьѣ: —потомъ обвалъ, направо поворотъ отъ камня, потомъ должна

быть тропинка, а ея нѣтъ; камни, да кремни, и камни-то, которые, кажется, лѣтъ двадцать обростаютъ мхомъ на одномъ мѣстѣ... Прахъ возьми! отъ одной бѣды ушли—другая просится на встрѣчу... Что тутъ дѣлать?

— Не знаю, отозвался молодой путникъ.

— Однакожь, храбрый мой товарищъ, не умирать же намъ здѣсь отъ голода вмѣстѣ съ шакалами! Къ-тому же, не хочу таить отъ тебя, что это распутье не обѣщаетъ намъ хорошаго сосѣдства, и клянусь моимъ послѣднимъ цехиномъ, который утонулъ вмѣстѣ съ кочермою, я право не желалъ бы видѣться ни съ кабаномъ, ни медвѣдемъ, а они здѣсь являются, званые и незваные. Пойдемъ впередъ!

— Не могу... Нуженъ отдыхъ: силы мои истощены.

— Отдыхъ! Но можно ли отдыхать въ этой отвратительной грязи! Чортъ возьми! на десятую долю шиллинга нѣтъ комфорта, хоть-бы клочокъ травки, хоть-бы капля рому; тутъ даже не уснешь, при всемъ желаніи спать безъ просыпу.

— Какъ знаешь, Томъ-Кукъ; но силы меня оставили и я безъ отдыха не двинусь съ мѣста.

— Хорошо! рѣшительно отозвался Ирландецъ:

—бросимъ ни за что одинъ часъ голодному времени... Даже съѣдимъ послѣднюю курицу, которую удалось намъ поймать въ рощѣ; * съѣдимъ ее, дружище, если только удастся добыть огня.

Говоря это, неутомимый Томъ-Кукъ мастерски построилъ изъ трехъ небольшихъ камней очагъ, набросалъ въ отверстіе между ними сухихъ вѣтвей дикой черешни, за которыми нужно было спуститься нѣсколько шаговъ къ подошвѣ скалы, и потомъ уже обратился къ самому трудному предмету своихъ дѣйствій. Для нашихъ странниковъ добыть огня было не такъ легко, какъ построить очагъ и набрать хворосту. Единственнымъ къ тому средствомъ могли служить сохраненный Томомъ кинжалъ и нѣсколько кремней, валявшихся на площадкѣ.

— Ну, искра есть, сказалъ онъ: — гдѣ теперь найдемъ труту? хоть бы какая-нибудь тряпка...

— Мнѣ кажется, и этого искать долго ненужно, замѣтилъ Ростиньякъ: —твои шальвары высмолены такъ исправно, что одинъ лоскутъ отъ нихъ вспыхнетъ какъ порохъ и будетъ горѣть цѣлыя сутки...

*) Въ лѣсахъ Абазіи и Абхазіи дикія куры, довольно мелкой породы, водятся въ изобиліи.

— И то правда! отозвался Томъ. Съ этими словами отъ оторвалъ небольшой лоскутъ отъ отъ своихъ шальваръ, растрепалъ его въ мелкія нитки — и скоро сухой валежникъ, треща и корчась, вспыхнулъ подъ камнями. Между-тѣмъ, какъ Шотландецъ трудился надъ добываніемъ огня, Ростиньякъ успѣлъ ощипать курицу; дичь была бережно положена на камень и, не спуская съ нея жаднаго взгляда, путники придвинулись къ огню.

— Прекрасно! началъ Томъ:—вотъ теперь я нахожу небольшое удобство: тѣло наше можетъ быть согрѣто, и къ-тому же, эта маленькая тварь, въ которой я непремѣнно оставлю сколько-нибудь крови, даетъ намъ право на фриштикъ... Ахъ, еслибы до ночи найти саклю жида! иначе, при такой ходной ночи, какъ минувшая, и мы пропали!

— Правда. Вчера мокрый и, дрожа отъ холода, я даже сожалѣлъ, что меня волна вышвырнула на берегъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, любуясь поджаренной спинкой курицы и перевертывая ее на другую сторону.

— Сожалѣлъ! подхватилъ Томъ: —какъ можно жалѣть о томъ, чему всякой бы позавидовалъ?

Вотъ, напримѣръ, хоть я... Цѣлый часъ нырялъ въ бурунахъ, и когда ужь избитый и окровавленный, вышелъ на берегъ, ты былъ невредимъ и плакалъ только о томъ, что, кидаясь за бортъ, сбросилъ съ себя куртку.

— Было о чемъ пожалѣть!. Посмотри, на кого мы теперь похожи?

— Что̀ дѣлать! Лучше этотъ печальный маскарадъ, чѣмъ лишній глотокъ горькосоленой воды. Однако, товарищъ, курица наша, мнѣ кажется, готова; пластай ее, пріятель.

Аппетитъ Ростиньяка былъ развитъ въ такой сильной степени, что предложеніе Тома исполнилось въ ту же минуту. Однако, когда уже жаркое было на зубахъ проголодавшихся спутниковъ, молодой человѣкъ не могъ не замѣтить, что недожаренная дичь даже и для голоднаго желудка не находка.

— Помилуй, душа моя, возразилъ матросъ:—да въ этомъ-то и заключается вся несказанная прелесть лакомаго кусочка! Согласись самъ, что когда мы измучаемъ хорошенько свои зубы, тогда, будь увѣренъ, что желудокъ долго не запроситъ подачки; къ-тому же посмотри, какъ съ этой косточки

сочится кровь... а! капля за каплей... Прахъ возьми, какъ это напоминаетъ мнѣ таверну «*Розоваго Колпака*», кружку хмѣльнаго пива и питательный ростбифъ!.. Да, продолжалъ Томъ-Кукъ, вспомнивъ о гостепріимномъ «Колпакѣ»:—невольно вспомнишь и о минувшемъ...

— Что̀ ты хочешь сказать, Томъ?

— А то, что вѣдь у меня съ тобой должно же быть прошедшее.

— Разумѣется...

— Ну, вотъ видишь ли, продолжалъ матросъ, тщательно обсасывая куричью лапку: — вотъ видишь ли, говорю я: намъ бы не мѣшало, пока отдыхаемъ, покороче познакомиться между собою... Друзья должны знать одинъ другаго вдоль и поперегъ; мы вѣдь съ тобою друзья... Судьба насъ столкнула едва–ли не у гроба... Теперь мы дѣлимъ настоящее, а если не умремъ въ этой пустынѣ отъ лишеній, у насъ можетъ быть отличное будущее... Я, братецъ, полюбилъ тебя съ перваго раза... Не знаю, какъ ты меня... Только, право, готовъ тебѣ сообщить мой секретецъ... Но прежде, повторяю, мы должны знать другъ друга.. Но совѣсти, мнѣ давно нуженъ това-

рищъ... Однако, у меня правило: съ кѣмъ иду на жизнь и смерть, тотъ долженъ быть мнѣ знакомъ не по платью, а у тебя, пріятель, и этого нѣтъ! Ну, къ дѣлу... Я хочу знать, кто ты, и что...

— Благодарю за откровенность, добрый Томъ... Только изъ моего прошедшаго я очень и очень немногое помню...

— Однако хоть что-нибудь... Я тоже о себѣ немного знаю; но свое минувшее разсказываю вотъ какъ. Прислушайся, товарищъ; послѣ очередь за тобою...

— Слушаю, говори! отвѣчалъ молодой человѣкъ, печально посматривая на потухающій огонь подъ камнями.

— Какое у меня дрянное обыкновеніе, началъ Томъ, разсѣянно осмотрѣвшись кругомъ:— непремѣнно выпить что-нибудь предъ началомъ разсказа... Безъ того какъ-то плохо вяжутся слова, тупѣютъ мысли и сохнетъ горло... Но дѣлать нечего, слушай!

Когда-то, не знаю даже сколько лѣтъ послѣ того юркнуло въ вѣчность, странствующій по горной Шотландіи, богатый Французъ былъ засти-

нутъ непогодой. Увѣренный въ гостепріимствѣ горцевъ, странникъ постучалъ въ первую встрѣчную лачугу. «Войдите; самъ Богъ посылаетъ васъ» отвѣчалъ слабый голосъ за дверью. Путникъ переступилъ порогъ бѣднаго жилья. Грустная и печальная картина встрѣтила здѣсь его. Почти сквозная хижина, въ разбитыя стекла которой и въ полуразрушенныя стѣны врывался вѣтеръ, освѣщалась двумя тлѣвшими на очагѣ углями. Въ углу, на шагъ отъ развалившагося камина, прикрытый шерстяною попоной, въ предсмертной судорогѣ, метался старый Шотландецъ, устремивъ взоръ невыразимой тоски на малютку, стоявшаго у его изголовья. Мальчикъ дрожалъ отъ холода, и, при входѣ незнакомца, со страхомъ спряталъ свою головку на грудь умиравшаго.

— Кто бы вы ни были, слабымъ голосомъ прошепталъ хозяинъ лачуги, протянувъ руки къ вошедшему и силясь приподняться:—я вижу въ васъ спасителя моего ребенка и послѣдняго моего утѣшителя... Ради Бога, ради вашей матери, вашей милой... спасите, спасите его! Это послѣдній изъ клановъ Макъ-Ленъ! Съ этими словами ста-

рикъ горько зарыдалъ и дрожавшими устами впился въ головку малютки. Подойдите ко мнѣ! продолжалъ онъ, задыхаясь.

Путешественникъ повиновался.

— Скажите мнѣ, умоляющимъ голосомъ началъ страдалецъ:—скажите мнѣ, можете ли вы утѣшить умирающаго и исполнить его молитву, его просьбу...

— Могу, твердо отвѣчалъ Французъ.

— Богъ васъ благословитъ! Сохраните этого сиротку, сжальтесь надъ нимъ: у него никого нѣтъ, кромѣ меня; а мои минуты сочтены... Сынъ мой, вотъ твой благодѣтель, молись за него вмѣстѣ со мною... Сюда... Сюда!

Малютка упалъ на колѣни предъ постелью больнаго и устремилъ взглядъ на распятіе, поставленное на окнѣ. Туда же обратились и потухавшіе глаза Макъ-Лена...

Тихо вздохнулъ старикъ, медленно отвелъ взглядъ свой отъ святаго изображенія и остановилъ его съ выраженіемъ любви и благодарности на пришельцѣ.

Спустя нѣсколько минутъ, на рукахъ послѣдняго умеръ старый кланъ.

Осиротѣвшій малютка былъ—я.

На утро послѣдній изъ Макъ-Леновъ оставилъ свои горы. Несмотря на мою младенческую привязанность къ покойному отцу, я скоро пересталъ грустить о немъ. И немудрено: для меня, жалкаго ребенка, голодавшаго по цѣлымъ днямъ, незнавшаго, что́ такое сапогъ и навсегда разлученнаго съ мыслью о мягкой постели и тепломъ углѣ, настала теперь жизнь, которая превосходила мой восторгъ, мои понятія и ожиданія. Это едвали, другъ мой, не было то же самое, еслибы въ настоящую минуту тебѣ и мнѣ предложили по теплой курткѣ, по три стакана грогу, даже и больше, и наконецъ удостоили бы подарить теплой саклей и аппетитнымъ кускомъ окровавленнаго ростбифа .. Но не будемъ мечтать и раздражать нашъ волчій аппетитъ; сказать просто, я кушалъ сладко, спалъ вдоволь и ни разу не щелкалъ зубами отъ холода. Да, просто: самъ я былъ сыръ, судьба моя—масло! Я забылъ прошедшее и нырялъ въ наслажденіяхъ настоящаго. Такъ мы добрались до южной Ирландіи. Между-тѣмъ важныя дѣла призывали моего благодѣтеля въ Америку; и вѣроятно, не желая обременить

себя въ своихъ путешествіяхъ и переѣздахъ послѣднимъ изъ клановъ Макъ-Леновъ, добрый геній мой отсчиталъ какому-то первому встрѣчному бриллянтщику нѣсколько гиней, отдалъ меня на его попеченіе, и отправился своей дорогой, обѣщаясь черезъ пять лѣтъ явиться за своею находкой. Не солгу, если скажу, что я крѣпко плакалъ, разставаясь съ моимъ благодѣтелемъ, особенно когда попристальнѣе разглядѣлъ насупленныя брови, рыжій парикъ и маленькіе, скверные глаза моего новаго попечителя. Съ этой минуты для меня настала жизнь, по совѣсти, нехорошая. Несмотря на то, что я былъ послѣдній изъ славныхъ клановъ, со мной обходились какъ съ первымъ изъ несчастливцевъ. Рыжій парикъ прежде всего усадилъ меня за работу, чего я и до-сихъ-поръ не очень жалую; потомъ за азбуку — меня-то, игорскаго клана! и, въ добавокъ ко всему этому, собственно для моей личности и для моей спины купилъ плетку. За работой я рѣшился дремать, изъ азбуки надѣлалъ пѣтушковъ; а чтобъ за такую любовь къ домашней птицѣ не подвергнуться знакомству съ плеткой, послѣдняя была выброшена за окно. Однако рыжій умудрился и высѣкъ меня розгами.

Я обидѣлся и рѣшился отмстить. Въ ту же ночь парикъ моего попечителя былъ истерзанъ въ мелкіе клочья. За это я былъ снова и больно наказанъ. Однако наказаніе не ограничилось розгами: рыжій обратилъ особое вниманіе на мой желудокъ и почти двѣ недѣли сряду кормилъ меня такъ-называемымъ яичнымъ супомъ, то есть тѣмъ питательнымъ бульономъ, въ которомъ каждое утро варился пятокъ яицъ—неизбѣжный фриштикъ моего мучителя. Голодные люди вообще раздражительны. Мщеніе мое росло, усиливалось и наконецъ разразилось отчаяннымъ подвигомъ. Темною ночью, когда всѣ угомонились въ домѣ, послѣдній изъ Макъ-Леновъ осторожно всталъ съ своей койки, еще съ бо́льшею осторожностью подкрался къ завѣтному посудному шкапу, похитилъ изъ него остатки пуддинга, кусокъ ветчины, и что́ могъ, съѣлъ, чего не могъ, то раздѣлилъ съ собакою. Я ужь сказалъ, что голодные вообще раздражительны; теперь долженъ сказать, что, въ свою очередь, сытые вообще разсудительны. Когда похищенная колбаса и вкусный пуддингъ исчезли въ моемъ желудкѣ, мною овладѣлъ безпокойный страхъ быть снова наказаннымъ за дерз-

кое самоуправство въ хозяйкомъ буфетѣ. Мудрецъ, который сказалъ, что одна бѣда родитъ другую, вѣрно, когда-нибудь былъ сѣченъ розгами за краденую колбасу, иначе онъ не могъ сказать такой великой истины. Надо мной она сбылась жестоко. Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, и проклиная свой неистовый аппетитъ, я безотчетно подошелъ къ двери, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ бѣжать. Когда я сдѣлалъ движеніе къ замку, рука моя задѣла что́-то мягкое... Это былъ сюртукъ моего хозяина, повѣшенный на косякъ двери. Въ первую минуту длиннополый футляръ рыжаго крѣпко испугалъ меня, но я скоро ободрился и принялся ревизовать его карманы. Въ первомъ попалась мнѣ зубочистка, во второмъ кошелекъ и въ немъ шесть гиней, въ третьемъ билетъ въ двадцать пять фунтовъ стерлинговъ. Зубочистку я бросилъ, деньги взялъ себѣ и ушелъ.

— Какъ! перебилъ Ростиньякъ: — бѣжалъ совсѣмъ отъ рыжаго...

— Навсегда, и даже больше съ нимъ не встрѣчался...

— Куда же бѣжалъ ты?

— Можно сказать просто: куда глаза глядѣли.

Когда я вышелъ изъ дому, ночь была сыра и холодна... Я шелъ наудачу, безъ цѣли и мысли, дрожа отъ холода. Къ довершенію моего зла, полилъ крупный дождь. Я осмотрѣлся—ни одного предмета, гдѣ бы можно было укрыться отъ непогоды: кругомъ раскидывалось пустынное поле, да вдали едва замѣтно чернѣлось что́-то. Я рѣшился идти на этотъ предметъ, какъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, споткнулся и полетѣлъ въ оврагъ.

— Ну, мистеръ Болденъ, кто-то самъ ввалился намъ въ лапу! съ веселымъ смѣхомъ промычалъ грубый голосъ въ то время, какъ я сунулся носомъ въ ивовый кустъ.

— Ага! давай его сюда, душечка Минсъ! и съ этими словами рослый дѣтина ухватилъ меня за воротъ, тряхнулъ и поставилъ на ноги. Съ кошелькомъ ты? спросилъ онъ.

Я молчалъ; страхъ отнялъ у меня языкъ. Нельзя было не понять, что встрѣча въ оврагѣ не можетъ кончиться для меня счастливо.

— Съ кошелькомъ ты, или нѣтъ? Тебя спрашиваю! сердито, повторилъ Болденъ, снова тряхнувъ

меня. Это сотрясеніе имѣло слѣдствіемъ то, что мои геніи предательски звякнули въ карманѣ.

— Эге! мистеръ Минсъ, сказалъ достопочтенный Бодденъ, запуская руку въ мой сюртукъ: если онъ безъ кошелька, зато съ карманомъ! Ба! ба! гляди пожалуй, продолжалъ онъ, когда завладѣлъ всѣмъ моимъ богатствомъ:—Ахъ ты плутишка! отъ земли не видать, а такую пропасть денегъ имѣетъ! Откуда ты ихъ добылъ, голубчикъ! а? Укралъ, вѣрно? дрянной мальчишка.

— Нѣтъ, дядюшки, право нѣтъ! отвѣчалъ я, едва поворачивая языкомъ отъ страха.

— Врешь, признавайся... ну, говори: укралъ?

— Нѣтъ-съ... это мои деньги... Я путешественникъ!

Грабители разразились громкимъ смѣхомъ.

— Скажите же, господинъ путешественникъ, продолжалъ Минсъ, не переставая хохотать во все горло:—чьи бы это шкатулки вы изволили обозрѣвать... а? Да, ну же, волчокъ, говори!

Я рѣшился оправдываться; но угрюмые взгляды моихъ враговъ совершенно заставили меня растеряться. Я говорилъ все, что только приходило мнѣ на умъ, и невольно высказалъ правду.

— Такъ и есть, вѣдь онъ воръ! вскричалъ Минсъ.

— Ахъ ты безнравственный мальчишка! Каково, съ этихъ лѣтъ...

— Простите, дядюшки, не буду, ей-Богу не буду! завопилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ! За такіе, братъ, подвиги... знаешь! Еще раненько началъ... Раненько! Давай уши! Вотъ, вотъ тебѣ... Мистеръ Минсъ, потрудитесь нарѣзать ивы.

— Сейчасъ, мистеръ Бодденъ.

При словѣ «ива» меня бросило въ такую лихорадку, что я совершенно лишился употребленія языка, между-тѣмъ, какъ плутъ Минсъ продолжалъ читать нотаціи.

Вотъ молодое-то поколѣніе, говорилъ онъ: — неугодно ли!.. Ахъ ты шельмецъ этакой! Каково —шесть гиней и билетъ въ двадцать пять фунтовъ стерлинговъ... Врешь, братъ... въ твое время, молокососъ, мы таскали по шиллингу... Ну-ка, мистеръ Минсъ, помогите!

Я не успѣлъ крикнуть, какъ прохожіе пріятели растянули меня на землѣ и, несмотря на мои просьбы и вопли, жестоко меня высѣкли.

Избитый и безъ денегъ, только съ одною гинеею въ карманѣ, которую мнѣ оставили мои каратели для того, чтобы я не умеръ отъ голода—послѣдній изъ Макъ-Леновъ безъ оглядки бѣжалъ изъ страшнаго оврага. Разсвѣтало, когда я переправился черезъ какую-то рѣку и пришелъ въ незнакомый мнѣ городъ. Измученный страхомъ и усталостью, но, впрочемъ, нисколько не заботясь о своемъ будущемъ, я добрелъ до первой таверны, располагая въ ней отдохнуть и позавтракать. Противъ таверны, отдѣленное рыночными шалашами и будками, тянулось деревянное одноэтажное зданіе, по длинной, безконечной трубѣ котораго и грязнымъ окнамъ я узналъ въ немъ стеклянный заводъ. Еще было такъ рано, что работники, въ числѣ которыхъ находились человѣкъ двадцать ребятъ, не торопились къ своимъ занятіямъ и чинно усѣлись въ шалашахъ за завтракъ. Ихъ веселый говоръ и усердіе, съ какимъ они напали на сушеную рыбу, вызвали мой аппетитъ. Вмѣшавшись въ толпу ихъ, я скоро свелъ дружбу съ моими одногодками, и, щедрый отъ природы, выложилъ мою гинею въ пользу общаго веселья, оставшись къ вечеру безпріютнымъ и жалкимъ нищимъ въ пол-

номъ смыслѣ этого слова. Печальнаго моего положенія я не скрылъ отъ моихъ новыхъ знакомцевъ. Между ними нашлись добрые ребята; они приняли во мнѣ участіе и, благодаря за мою откровенность и щедрость, дали мнѣ добрый совѣтъ: вступить въ ихъ почтенную касту. Думать было нечего. Скрывая свое настоящее имя, я назвался Томъ-Кукомъ, и на другой же день нарядился въ кожаный фартукъ и такія же рукавицы. Не знаю почему, но, несмотря на тяжелый трудъ, работа мнѣ приглянулась; исправнѣй меня не было. Я рѣшился навсегда остаться фабричнымъ; однакожь не такъ случилось. Десять лѣтъ я не вылѣзалъ изъ моего фартука, и въ эти десять лѣтъ успѣлъ сдѣлаться опытнымъ подмастерьемъ. Дѣла шли хорошо, по-крайней-мѣрѣ, хорошо въ отношеніи моихъ надеждъ и желаній. Послѣднія не превышали вечерней бесѣды за кружкою хорошаго пива въ тавернѣ, и удовлетворялись каждый день. Однажды мы были крѣпко навеселѣ. Въ жаркой и разгульной бесѣдѣ, пріятели мои и самъ я не могли замѣтить, что общество наше увеличилось десяткомъ незнакомыхъ намъ лицъ, такихъ добрыхъ, ласковыхъ и щедрыхъ, что къ полночи насквозь

промоченные портеромъ, мы обнимались и лобызались съ ними, какъ старые знакомые. Отъ частыхъ и усердныхъ возліяній, силы меня оставили и, зѣвнувъ нѣсколько разъ, я славно захрапѣлъ на своей лавкѣ. Неучтивый толчокъ и громкая фраза «Пошелъ, всѣ наверхъ!» разбудили меня наутро.

— Что́ это значитъ? Куда меня занесло? спросилъ я, протирая глаза и съ изумленіемъ останавливая ихъ на толпѣ незнакомыхъ мнѣ людей.

— А вотъ дядюшка Минсъ, нашъ достопочтенный боцманъ, выправитъ ленькомъ твою догадку, съ веселымъ смѣхомъ откликнулся молодой парень, ловко пристукнувъ меня въ голову.

— Какой Минсъ? вскричалъ я съ невольнымъ испугомъ. Моя память знаетъ только одного проклятаго Минса, который жестоко высѣкъ меня, лѣтъ десять тому назадъ..

— Ну полно, не бранись, пріятель, кротко замѣтилъ высокій, худощавый старикъ.—Если не ошибаюсь, продолжалъ онъ, это было подъ ивой, въ оврагѣ, на полѣ...

— Да, да! Укажите мнѣ его, вскричалъ я:—и я отъ чистаго сердца сломаю ему ребро!

— Тс... негромко! За такую штуку, братъ,

придется разсчитаться посолиднѣе, чѣмъ за краденыя гинеи—вотъ что́ пріятель! замѣтилъ худощавый старикъ... Минсъ теперь твой боцманъ и передъ тобой... Долой шапку!

— Какъ, Минсъ боцманъ!.. Да я-то что́ же по-твоему?

— Ты... матросъ британскаго флота... Квартира твоя—корабль Самуилъ.

— Матросъ! прошепталъ я.

— Да; вчера ты пилъ вмѣстѣ съ лихими служаками, и вчера завербованъ... Маршъ на службу!

— Пошелъ всѣ наверхъ! раздалось снова.

Почти лишенный памяти и разсудка, я безъ мысли и безъ всякаго сознанія слѣдовалъ за другими. Помню: насъ пересчитали, одѣли въ куртки, указали каждому нумеръ койки и снова вызвали къ работамъ.

Вечеромъ, когда, грустный и убитый отчаяніемъ, я оставался на палубѣ, не принимая никакого участія въ бесѣдахъ моихъ сослуживцевъ, ко мнѣ подошелъ Минсъ.

— Не грусти... Какъ тебя звать-то? сказалъ старикъ, дружески ударивъ меня по плечу.

— Томомъ-Кукомъ! отвѣчалъ я.

— Не грусти Томъ, продолжалъ онъ: —служба, братъ, не хмѣльное дѣло: не пропадешь! Будь только исправенъ да слушай моего приказа: все пойдетъ хорошо; ужь если я тебя доѣхалъ, такъ, повѣрь, самъ и вывезу... Ну, встрепенись! Пойдемъ, подѣлюсь ромомъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Минсъ былъ добрый старикъ. Онъ дѣлалъ мнѣ всѣ снисхожденія, какія только могъ сдѣлать, и скоро, при его помощи, я далеко опередилъ моихъ товарищей по службѣ, а съ нею свыкся такъ, какъ-будто бы и родился на бакѣ. Точно такъ же, какъ и товарищи мои, я свыкся съ моею долею, находя ее едва-ли не лучше фабричной. Около пятнадцати лѣтъ не сходилъ я съ корабельной палубы, покупался во всѣхъ моряхъ, побывалъ вездѣ. Однажды шкуна наша, на которую я былъ переведенъ вмѣстѣ съ неразлучнымъ Минсомъ, бросила якорь у береговъ Мальты. Съѣздъ на берегъ не былъ запрещенъ матросамъ, и, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я и старый боцманъ отправились хлебнуть виноградаго. Трактиръ былъ полонъ гуляками. На рейдѣ стояло тогда десятка три купеческихъ судовъ, и мы едва протискались сквозь толпу матросовъ. Наконецъ сыскали уютное

мѣстечко и расположились рядомъ съ какимъ-то незнакомцемъ, званіе котораго угадывалось по его костюму. Это былъ нашъ братъ, морякъ. Едва только Минсъ и незнакомецъ встрѣтились взглядомъ, какъ съ крикомъ: «Бодденъ! Минсъ! сто лѣтъ! здорово!» бросились на встрѣчу другъ другу. Оказалось, что друзья, проводившіе когда-то почи и голодные дни въ подгородныхъ оврагахъ, разстались уже болѣе двадцати лѣтъ и съ-тѣхъ-поръ не видались болѣе.

— Ну, какъ ты, душа моя, Бодденъ, то-есть что ты? хочу я спросить тебя, началъ Минсъ, когда миновалась первая минута восторга, и кружки наши наполнились виномъ.

— Я, мистеръ Минсъ... Ничего, такъ себѣ, переваливаюсь съ боку на бокъ, съ самодовольною улыбкою отвѣтилъ Бодденъ.

— Однакожь, нельзя ли выразиться пояснѣе, старый и задушевный другъ мой?

— Можно. Я ни больше ни меньше, какъ хозяинъ щегольскаго судна, шкиперъ славно-оснащенной Бетти.

— Эге! вотъ какъ!

— Ну, а ты?

— Старый и хорошо выѣзженный боцманъ...

— И это не дурно!

— Ужь разумѣется...

— Ну, а позволь спросить тебя, продолжалъ Бодденъ, указывая на меня... это ужь не новый ли другъ твой?..

— Другъ, но только старый.

— Вотъ какъ! Извини, товарищъ, мнѣ кажется, твоихъ старыхъ друзей я всѣхъ могу пересчитать по пальцамъ... Помню: криваго Натся, неустрашимаго Буля, лихаго запѣвалу Перси... потомъ...

— А вотъ его-то и не помнишь, несмотря на то, что познакомиться съ нимъ имѣлъ счастіе въ одинъ день со мною...

— Имя его, товарищъ?

— Томъ-Кукъ.

— Такого я не зналъ, по чести не зналъ... Да что онъ, смѣю спросить, какими отличался способностями?

— Путешествовалъ по шкатулкамъ, занимался, такъ-сказать, нумизматикою и собиралъ монеты, исключительно золотыя...

— Что! Да ужь постой, голубчикъ, это не

тотъ ли путешественникъ, котораго мы въ овражѣ...

— Отличная у тебя память, Бодденъ... Это онъ!

— Возможно ли! вскричалъ шкиперъ, повиснувъ у меня на шеѣ... Ахъ, мистеръ Томъ-Кукъ позволь расцаловать васъ... Вотъ счастливѣйшій день въ моей жизни! Вотъ двѣ встрѣчи! Фу-ты объяденье день: сколько воспоминаній! говорилъ хозяинъ Бетти, обращаясь къ своей кружкѣ...

— Какъ же это вы... тфу гадость! что за церемонія между старыми знакомыми!.. продолжалъ шкиперъ. Какъ же это ты, Томъ-Кукъ хочу спросить я:—угодилъ въ матросы?

— Минсъ завербовалъ...

— Я, я! съ сильнымъ восторгомъ вскричалъ боцманъ.

— Прекрасно! Вотъ что называется душою полюбить человѣка! Ну, Минсъ, снова началъ Бодденъ, пристально наблюдая меня: — хорошій изъ него вышелъ матросъ?

— Отличный, братецъ, просто! Ни дай, ни вынеси — одинъ за трехъ!

— А экое, подумаешь, сокровище человѣкъ...

Ну и хорошо, и очень хорошо! Давайте же пить, друзья!

Попойка началась вмѣстѣ съ разсказами о нашихъ плаваніяхъ. Бодденъ едва-ли не каждую минуту обращался къ Минсу съ просьбою чокнуться и выпить. Нельзя было не замѣтить намѣренія шкипера подпоить моего боцмана. Намѣреніе это вполнѣ удалось ему, и часа черезъ два старый Минсъ храпѣлъ на всю таверну.

— На силу-то! А крѣпокъ старикъ; такимъ я его и съ молоду зналъ, замѣтилъ Бодденъ, оглядываясь подозрительно и придвигаясь ко мнѣ.

— Послушай Томъ, сказалъ онъ вполголоса: можно говорить съ тобою откровенно?

— Можно, отвѣчалъ я.

— Хорошо. Поклянись мнѣ, что ты не выболтаешь ни одного слова изъ нашего разговора, и что, если мы не сойдемся съ тобою въ дѣлѣ, которое я предложу тебѣ сейчасъ, цѣль бесѣды нашей останется для всѣхъ тайною...

— Клянусь...

— Прекрасно! Я вѣрю твоему слову. Слушай! Мнѣ нуженъ лихой и дѣльный товарищъ; лучше тебя я не нахожу... Видишь ли, цѣль моя разбогатѣть поскорѣе и навѣрную. Чтобъ достигнуть этой умной цѣли, я знаю два средства: или торговлю неграми, или порохомъ и красивыми горянками на базарахъ Батума и Трапезонда; изъ этихъ двухъ средствъ я выбралъ послѣднее. Теперь я тебѣ скажу, почему ты мнѣ необходимъ. Изъ вашихъ разсказовъ я узналъ, что послѣднія шесть лѣтъ вы провели у сухумскихъ береговъ, подвозя горцамъ порохъ и оружіе — такъ ли?

— Правда, отвѣчалъ я.

— Стало-быть, берегъ этотъ тебѣ такъ же хорошо знакомъ, какъ и свои карманы.

— Правда, повторилъ я.

— Видишь ли, почему ты для меня находка, продолжалъ Бодденъ... Но еще постой, главнаго твоего достоинства я не сказалъ. Посѣщая часто берега Абхазіи, ты, вѣроятно, знакомъ и съ языкомъ горцевъ—не такъ ли?

— По совѣсти, знаю его едва-ли не такъ же, какъ и свой.

— Ну, другъ мой Томъ, такъ по рукамъ...

— Мои выгоды, почтенный Бодденъ? спросилъ я.

— Званіе штурмана на моемъ суднѣ...

— Неважное званіе...

— Однако немного больше званія матроса... Потомъ, дружище, сто фунтовъ стерлинговъ жалованья въ годъ...

— Ну, а еще?

— Чего жь тебѣ больше?

— Мало, мистеръ Бодденъ. По-моему вотъ какъ: званіе штурмана, полная свобода въ моихъ дѣйствіяхъ, сто фунтовъ стерлинговъ жалованья и... седьмую часть барышей послѣ продажи каждаго груза.

Шкиперъ на минуту задумался, потомъ, протянувъ мнѣ руку съ рѣшительнымъ видомъ, сказалъ:

— Ты справедливъ, Томъ: требованіе твое дѣльно и я на него согласенъ... По рукамъ.

Минсъ все еще храпѣлъ, когда мы оставили таверну.

— Въ ту же ночь Бетти снялась съ якоря и на утро мы уже были въ открытомъ морѣ.

Дѣла наши пошли отлично. Въ пять лѣтъ Боддень нажилъ пропасть денегъ; я тоже сколотилъ себѣ порядочный капиталъ и, завидуя товарищу,

рѣшился самъ сдѣлаться хозяиномъ судна, какъ одно обстоятельство совершенно измѣнило мои планы. Однажды караванъ нашъ сдѣлалъ привалъ въ Одохарскомъ Ущельи. Здѣсь-то, въ духанѣ, я, подслушалъ разсказъ о схороненныхъ сокровищахъ Тескольскаго Ущелья... Тайна, которая открывала ихъ мѣсто, была въ рукахъ моего сосѣда. Я не могъ устоять противъ искушенія... Я завладѣлъ этою тайной.

— Какъ, ты! вскричалъ Ростиньякъ.

— Я... укралъ... Осторожно выбрался изъ сакли, вскочилъ на перваго попавшагося мнѣ коня и гналъ его всю ночь безъ отдыха и безъ привала. Къ утру, въ тѣснинахъ Хахалибока, конь мой палъ. Тутъ только я замѣтилъ, что забылъ свой поясъ въ духанѣ, а въ немъ и все мое богатство. Но дѣлать было нечего, ничто ужь не могло возвратить этой потери. Вернуться въ Одохарское Ущелье значило разстаться съ моимъ несметнымъ сокровищемъ, да пожалуй и съ жизнью. Привычный къ лишеніямъ и знакомый съ горными тропинками, я, не задумываясь, пустился къ Сухуму. Здѣсь снова поступилъ матросомъ на первую встрѣчную кочерму, думая въ Трапезондѣ

встрѣтить моего Боддена и подѣлиться съ нимъ славнымъ секретомъ. Однако время уходило, Боддень не являлся, какъ между-тѣмъ мнѣ оставался послѣдній переходъ въ Абазію. Весною я долженъ быть въ Тескольскомъ Ущельи. Два дня тому назадъ, ты знаешь, въ какую страшную непогоду вступило подъ паруса наше судно. Я былъ радъ этому случаю. Наканунѣ я сдѣлалъ жестокую ошибку, которую должно было поправить; къ этому я находилъ только одно средство — утопить судно...

— Но, вѣдь, Томъ, тутъ грозила гибель всему его экипажу! замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Никто, кажется, кромѣ тебя и меня, не вышелъ сухъ изъ воды... Канкъ, на который бросились черные и Турки, не могъ не захлебнуться волной.

— Но что тебѣ было въ жизни или смерти этихъ несчастныхъ?

— То, что противъ меня на суднѣ былъ сдѣланъ заговоръ. Тайна моя не оставалась тайною для капитана и его друзей. И вотъ какъ это случилось. Завѣщаніе скряги Даміана, разгаданное какимъ-то Мавромъ, написано по-арабски; на томъ

же языкѣ изложена и догадка. Видишь ли, я неизбѣжно долженъ былъ избрать кого-нибудь, чтобъ прочитать эту тарабарскую грамоту, и рѣшился довѣриться капитану. Плутъ благодарилъ меня за откровенность, просмотрѣлъ завѣщаніе и разъяснилъ его. Но, спустя нѣсколько часовъ, невѣрный, вѣроятно, желая вырвать у гяура его богатство, сообщилъ тайну своимъ друзьямъ. Маленькій юнга Искандеръ, родомъ Мингрелъ, подслушалъ совѣщаніе моихъ враговъ и, по особенной ко мнѣ преданности, передалъ мнѣ ихъ разговоръ. «Берегись, Томъ, сказалъ онъ, сегодня ночью тебя убьютъ — и за бортъ...» Однако не случилось такъ. Завладѣвъ рулемъ, я нарочно привелъ судно къ берегамъ, и въ то время, какъ оно еще могло быть спасено въ открытомъ морѣ, бросилъ его на камни... Вотъ пріятель, тутъ вся повѣсть моей жизни... Плати за откровенность откровенностью, а тамъ рука въ руку пойдемъ впередъ...

Ростиньякъ грустно улыбнулся и разсѣянно подбросилъ охапку хворосту въ потухавшій огонь подъ камнями.

— Прошедшее мое, Томъ, какъ и настоящее,

ничего не имѣетъ для тебя интереснаго, сказалъ молодой человѣкъ. Жизнь моя — рядъ неудачъ и страданій. Революція лишила меня отца и матери. Не успѣлъ я еще оплакать ихъ печальную смерть, какъ самъ былъ заключенъ въ темницу. Меня приговорили къ изгнанію. Оставляя безъ сожалѣнія свое отечество, къ которому ужь ничто не привязывало меня болѣе, я въ Неаполѣ встрѣтилъ стараго друга нашего дома, капитана французскаго флота и также изгнанника. Общее горе еще болѣе связало нашу дружбу. Отличный морякъ, онъ не оставался безъ дѣла и безъ хлѣба. Въ Венеціи ему поручено было судно. Я не отставалъ отъ него и рѣшился посвятить себя морскому дѣлу, къ которому скоро пристрастился.... Казалось, судьба перестала преслѣдовать меня: счастливый своимъ занятіемъ, я еще болѣе былъ счастливъ дружбою капитана. Но испытанія мои только еще начались. Зачумленный при перегрузкѣ товаровъ въ Каирѣ, другъ мой умеръ; мѣсто его заступилъ штурманъ, Грекъ, сварливый и злой. Я не могъ съ нимъ ужиться, бросилъ судно и опредѣлился матросомъ къ извѣстному контрбандисту Измаилъ-Рустаму. Шесть лѣтъ не сходилъ я съ судна,

плавая у береговъ Абхазіи и обходя всѣ прибрежные рынки. И здѣсь я снова примирился съ моими несчастіями, какъ новое страданіе ждало меня впереди. Однажды кочерма наша, отходя въ Сухумъ съ грузомъ шелка и оружія, приняла пассажира. Это былъ Еврей, который въ Трапезондѣ выкупилъ изъ неволи дочь свою, украденную у него горскими хищниками. Ахъ, Томъ! еще никогда я не встрѣчалъ такой красоты, такой бездны прелестей въ женщинѣ. Только въ горахъ могутъ родиться подобныя красавицы. Три дня, которые я провелъ вмѣстѣ съ нею на кочермѣ, были для меня днями высокаго блаженства, и вмѣстѣ съ тѣмъ днями тоски и пытки... Я полюбилъ Еврейку... но, сознайся, чего могъ надѣяться бѣдный, безпріютный изгнанникъ, простой и жалкій матросъ. Разставаясь съ нами, дѣвушка каждому изъ насъ дарила что-нибудь. Когда очередь дошла до меня, Аксани съ какимъ-то робкимъ движеніемъ протянула ко мнѣ руку, въ которой сверкала подачка... Я вспыхнулъ и задрожалъ отъ оскорбленія, голова моя кружилась, на глазахъ навернулись слезы; почти въ безпамятствѣ я прислонился къ мачтѣ.

Когда ужь Еврей и дочь исчезли на берегу, меня обступила веселая толпа товарищей. Громкій смѣхъ ихъ возвратилъ мнѣ память...

«Нашла чѣмъ подарить!» говорили они: «бѣднякъ! для тебя она и абаза-то пожалѣла!»

Глупцы не догадывались, что я былъ награжденъ больше другихъ. Аксани подарила мнѣ свою лютню... Съ-тѣхъ-поръ я не видалъ и не встрѣчалъ ни Еврея, ни его дочери. Вотъ, Томъ, самое замѣчательное обстоятельство изъ моей скитальческой жизни, но и оно не имѣло никакого вліянія на перемѣны въ моемъ настоящемъ... Это былъ случай тяжелый и грустный нѣсколько минутъ ужаснаго сознанія въ своихъ несчастіяхъ. Въ эти минуты я не могъ не сказать себѣ: «Бѣдный Генрихъ, какъ тяжело твое просонье! какъ горько твое сознаніе въ горькомъ одиночествѣ, на которое ты обреченъ! У тебя нѣтъ родины, нѣтъ кровныхъ, нѣтъ человѣка, который бы хотя два слова перемолвилъ съ тобою на родномъ языкѣ, наконецъ, и лучшіе годы твои, когда сердце проситъ любви и наслажденій, должны миновать безъ улыбки счастія, безъ услады и радостей... Міръ твой—грязный трюмъ торговой лодки, общество—презрѣнные

торгаши, мечта—лишній абазъ за кровный трудъ, за жалкую услугу какому-нибудь неумытому халатнику!.. Горькое и печальное сознаніе! Однако и оно продолжалось недолго. Это былъ припадокъ, отъ котораго я скоро излечился, возвращаясь къ моей ничѣмъ неизмѣняемой существенности... Душа моя и сердце до того окрѣпли въ страданіяхъ, до того свыклись съ безотраднымъ настоящимъ, что я радъ и очень доволенъ снова остаться въ моемъ животномъ забытьи... Молодой человѣкъ печально опустилъ на грудь голову и безпечный видъ и принужденное равнодушіе, которыми онъ старался оправдать слова свои, невольно измѣнили ему, замѣнившись крупною слезою, повисшею на его рѣсницахъ...

— Другъ мой, сказалъ Томъ, нѣсколько растроганный въ свою очередь:—я вижу, что ты такой же горемыка и такой же пасынокъ счастья, какъ и я... Этого довольно! Горе тѣснѣе связываетъ людей, чѣмъ счастіе... будемъ друзьями... Твою руку, товарищъ!

Скитальцы молча и съ чувствомъ пожали другъ другу руку.

—

ГЛАВА III.

ХУНЗАХ-ГАРСКІЙ ХАРЕМЪ.

Между-тѣмъ солнце стояло такъ высоко надъ окрестными горами, что путники, не безъ страха скоротать холодную ночь въ пустынѣ, вспомнили о близкомъ исходѣ дня.

— Пора въ дорогу, пріятель! сказалъ Томъ.

— Но куда же пойдемъ мы? спросилъ молодой человѣкъ:—кругомъ лѣсъ, да голыя скалы...

— Вижу, и признаться, не безъ страха вижу это, отозвался Шотландецъ: — но все-таки еще не теряю надежды набрести на тропинку, которая ведетъ къ пещерамъ Еврея... Четыре года тому

назадъ, какъ я былъ въ этихъ мѣстахъ, здѣсь караванъ нашъ дѣлалъ привалъ и хозяинъ мой купилъ не одну красавицу у стараго Еврея Сами. Не знаю, онъ ли теперь владѣетъ хунзах-гарскими пещерами; говорятъ—кто-то другой; во всякомъ случаѣ, намъ не будетъ отказано въ пріютѣ. Ободрись, пойдемъ!

Съ этими словами Томъ приподнялся на ноги и внимательнымъ взглядомъ окинулъ безмолвную окрестность.

— Теперь я не ошибаюсь, весело замѣтилъ онъ: — вотъ, кажется, та пропасть, куда остудился прошедшій разъ нашъ первый вьючный конь... Такъ и есть, дорога найдена! Держись, товарищъ, закраины обрыва, направо: сейчасъ будемъ въ гостяхъ у Еврея.

Еще Томъ не успѣлъ окончить своей послѣдней фразы, какъ подъ ногами нашихъ путниковъ, въ балкѣ, раздалась звонкая пѣсенка и вслѣдъ затѣмъ громкій вопль испуга.

— Что это значитъ? вскричалъ Томъ.

Но ужь молодой человѣкъ былъ далеко отъ него. Ловко и смѣло прыгая черезъ трещины, онъ почти

скатился съ отвѣснаго обрыва и кинулся на перерѣзъ балки...

— Правѣе, правѣе... Аксани! бѣги ко мнѣ... бѣги... онъ бросится на меня—и ты спасена! кричалъ молодой человѣкъ.

Только теперь могъ замѣтить Томъ, что зоркій товарищъ его спѣшилъ на помощь къ дѣвушкѣ, которая, бросивъ кувшинъ, уходила отъ кабана...

— Аксани! Аксани... назадъ! перерѣжь ему дорогу... бѣги на меня — и ты спасена: онъ наткнется на мой кинжалъ!.. кричалъ Ростиньякъ, задыхаясь отъ утомленія и настигая испуганную дѣвушку...

Эти слова, казалось, возвратили всю бодрость молодой Еврейкѣ. Она въ одинъ прыжокъ достигла своего избавителя и быстро сбросила свою чадру на глаза разъяреннаго звѣря. Запутавшись въ чадрѣ, звѣрь съ глухимъ рѣвомъ и брызжа пѣной, метнулся въ сторону. Безстрашный Ростиньякъ ужь былъ на шагъ отъ него и ловкимъ ударомъ кинжала свалилъ своего противника.

Когда миновался первый страхъ, дѣвушка не безъ смущенія встрѣтила взглядъ молодаго человѣка; смущеніе это увеличилось еще болѣе, когда

она должна была замѣтить очень неизысканный нарядъ своего избавителя.

— Прекрасная Аксани, сказалъ Ростиньякъ:—вѣроятно, помнитъ бѣднаго матроса на кочермѣ Измаилъ-Рустама, того самаго, которому она подарила свою лютню... и, вѣроятно, проститъ ему то, что онъ рѣшается встрѣтиться съ нею въ такомъ жалкомъ видѣ?..

— Еслибъ не эта встрѣча, добрый человѣкъ, Аксани ужь не пѣть бы больше пѣсенъ въ кругу своихъ подругъ....

— Почему ты называешь меня добрымъ человѣкомъ?...

— Я видѣла на кочермѣ, какъ, однажды, ночью ты плакалъ и молился... Ты, вѣрно, очень несчастливъ?

— Да... это справедливо, Аксани. А развѣ тебѣ жаль меня, что ты дѣлаешь мнѣ этотъ вопросъ съ такимъ участіемъ?

— Очень жаль... Еще никто такъ долго, такъ ласково и такъ кротко не смотрѣлъ на меня, какъ ты... Я вѣдь плакала, когда мы оставили съ батюшкой вашу кочерму.

— О чемъ же ты плакала, Аксани?

— Я думала, что ты разсердился на меня, когда я хотѣла подарить тебѣ золотую монету. Но скажи, отчего у тебя нѣтъ ни бурки, ни бешмета?...

— Я долженъ былъ бросить ихъ въ воду. Кочерма наша разбилась у Анаклiи...

— Какъ, ты тонулъ?!

— Да.

— Бѣдный, бѣдный! прошептала дѣвушка.—Ай, а это кто? спросила она, замѣчая громаднаго Тома, который спускался со скалъ.

— Товарищъ моихъ несчастiй такой же христiанинъ, какъ и я.

— Ухъ, какой онъ страшный! замѣтила Аксани. Пойдемъ же къ отцу... или нѣтъ... постой—онъ будетъ сердиться за то, что я приду съ вами. Онъ велитъ мнѣ смотрѣть на мужчинъ только сквозь чадру... Да ты не сердись на него за это... Онъ вѣдь добрый! Погоди же, я сейчасъ пришлю за вами дурачка Галискара.

Дѣвушка весело улыбнулась, граціозно прижала къ розовымъ губкамъ свой маленькій пальчикъ, какъ-бы повторяя этимъ: жди! и скоро ея малиновая шапочка скрылась за оврагомъ.

— Ну, что? спросилъ Томъ, подходя къ своему товарищу и съ значительною миной толкая ногою убитаго звѣря:—добылъ жаркое? Ай-да молодецъ-товарищъ! Такого бродягу хоть бы и мнѣ уходить такъ впору. Однако, что́ же это? вѣрно красавица испугалась нашего молодецкаго вооруженiя. Куда же она дѣвалась?

— Сiю минуту вышлетъ намъ проводника.

— Вотъ какъ! Ужь это не дочь ли Еврея, командующаго здѣшними трущобами?

— Кажется. Я только знаю, что это Аксани.

— Какъ, та самая! вскричалъ Томъ.

— Она, она, душа моя, Томъ-Кукъ.

— И такая хорошенькая! Э! да какъ я вижу, товарищъ, ржавые галеты не испортили твоего вкуса Поздравляю! За такую рожицу въ Эндери. или Батумѣ — покажи только, за каждый волосокъ отсчитаютъ по золотому, да еще и подерутся въ придачу. А вотъ, кажется, и проводникъ нашъ! добавилъ Шотландецъ, идя на встрѣчу къ замѣченному имъ горцу. Въ лицѣ послѣдняго странника наши встрѣтили существо чрезвычайно оригинальное. Это былъ молодой человѣкъ, блѣдный, исхудалый. Въ томныхъ глазахъ его замѣ-

чалось совершенное отсутствіе всякой мысли; во всѣхъ пріемахъ и движеніяхъ проглядывала какая-то тѣнь идіота и разсѣянность человѣка, котораго, повидимому, ничто не занимаетъ и ничто не въ состояніи вызвать на себя его вниманія. При первомъ взглядѣ на незнакомца, Ростиньякъ узналъ въ немъ обѣщаннаго дурачка-Галискара.

Полѣдній, не доходя нѣсколько шаговъ до странниковъ и не поднимая на нихъ глазъ, медленно махнулъ рукою и въ ту же минуту повернулся назадъ, сказавъ:

— Пойдемте, я за вами.

— Не торопись, душечка Галискаръ! замѣтилъ Ростиньякъ:—мы за тобой не поспѣемъ слѣдовать.

А кто тебѣ сказалъ, что меня зовутъ Галискаромъ?

— Аксапи.

— Гм... А вы откуда?

— Изъ воды, голубчикъ, отозвался Томъ.

— Это и видно: одна-то половина у васъ только-что не рыбья.

— Вишь ты, дуракъ-дуракъ, а браниться мѣетъ, вполголоса замѣтилъ Томъ. — Скажи-ка,

пріятель, продолжалъ онъ: какъ называть твоего хозяина?

— Гацалъ-Шеуды.

— Что-о? съ какимъ-то испугомъ спросилъ матросъ:—да, развѣ онъ еще живъ?

— А тебѣ хотѣлось бы, чтобы онъ умеръ?

— Нѣтъ; такъ, слухи. Разсказывали, что будто бы... я говорю разказывали...

— Ты знаешь Гацалъ-Шеуды? спросилъ, въ свою очередь, Ростиньякъ, замѣчая смущеніе товарища.

— Да, встрѣчался, то есть не то, слышалъ о немъ. Такъ вотъ какъ! нѣсколько оправившись, продолжалъ матросъ:—теперь здѣсь Гацалъ-Шеуды содержитъ перепутье для проѣзжихъ каравановъ.

— Да, онъ.

— А давно не было у васъ гостей?

— Давно.

— Что не бойсь, скучно тутъ однимъ-то?

— Не скучно. Мы не одни: у насъ женщинъ курушки (*сорокъ*) штукъ есть...

— Э! Откуда такая пропасть?

— Купили для того, чтобъ весной продать Туркамъ.

— Ну, а кто же у васъ бережетъ ихъ?

— Попробуй хоть одну украсть — такъ увидишь...

— О, да ты просто медвѣдь, Галискарушка...

— Не бранись: разсержусь и заведу въ трущобы... Ты хочешь знать кто бережетъ. А вотъ кто: Учь, шапсугъ — Увиджа, натухаецъ — Бона, карачаевецъ Доу... и я!

— Э... вотъ васъ сколько!

— Довольно... Я имъ пою пѣсни и разсказываю сказки; а Учь, Увиджа и Бона стоятъ у саклей съ винтовками...

— А, что́ же дѣлаетъ самъ Гацалъ Шеуды?

— Читаетъ какія-то книги... пишетъ цифры...

— Вотъ какъ!

— Да говоритъ: въ книгахъ написано о какомъ-то зарытомъ сокровище... А тебѣ что́?

— Да такъ, ничего. Ну, а скоро мы придемъ, Галискарушка?

— Скоро...

Говоря такимъ образомъ, проводникъ и путники, миновавъ балку, вступили въ ущелье. Здѣсь, при входѣ въ одну изъ пещеръ, Галискаръ зажегъ факелъ и, проведя своихъ гостей длиннымъ и узкимъ

корридоромъ, вывелъ ихъ на террасу, или, лучше сказать, пространную площадку, зарытую искусственнымъ барьеромъ и застроенную саклями.

— Вотъ ваша сакля—первая направо, сказалъ Галискаръ, указывая на опрятную мазанку, поставленную почти у самаго входа на террасу.—Гацалъ-Шеуды сказалъ, что здѣсь вамъ можно будетъ даже перемѣнить и рыбій нарядъ вашъ, заключилъ проводникъ.

Ласковый и добродушный пріемъ Еврея превосходилъ всякое ожиданіе нашихъ странниковъ. Сакля, теплыя черкески и пылающій малганъ несказанно обрадовали двухъ страдальцевъ. Чрезъ нѣсколько минутъ явился и самъ хозяинъ. Въ немъ дѣйствительно Томъ узналъ того Еврея, который въ одахарскомъ аулѣ разсказывалъ о своихъ страшныхъ встрѣчахъ съ Даміаномъ. Однако Шотландецъ не рѣшался напомнить Еврею о минувшей встрѣчѣ и, разсказавъ исторію своихъ бѣдствій, просилъ какъ ему, такъ и товарищу, дать пріютъ до прихода перваго каравана.

— Теперь время осеннее: хищники сильны въ горахъ, отвѣчалъ Еврей: — и я очень радъ,

когда у меня прибыло еще четыре руки: все побезопасѣе...

— Правда, правда! отозвался Томъ.—И мы очень рады, Гацалъ-Шеуды, послужить тебѣ. Ну, если бы не этотъ злой кабанъ, пришлось бы намъ, пожалуй, и сегодня плутать въ вашихъ горахъ...

— Да, да! А еслибы не вы, добрые люди, пришлось бы мнѣ много выплакать слезъ. Пойдемте же, друзья мои, я вамъ покажу моихъ красавицъ: посмотрите и полюбуйтесь. Идемте!

Теперь только, когда Ростиньякъ и Шотландецъ слѣдуя за своимъ хозяиномъ, оставили саклю и вышли на площадку, первый изъ нихъ не безъ удивленія разглядѣлъ аулъ Гацалъ-Шеуды. Это было небольшое селеніе, правильно расположенное. Средину площадки занималъ главный корпусъ—длинная мазанка, съ плоскою кровлею; по сторонамъ ея тянулись навѣсы, а передъ ними выбѣленныя сакли, оканчивавшіяся у обрывовъ бойницами...

— Теперь здѣсь не то, какъ было при Сами, замѣтилъ Томъ, разглядывая, въ свою очередь, владѣніе Еврея.

— Да; прежде здѣсь были только однѣ пещеры, самодовольно отозвался Гацалъ-Шеуды:—

и все это построилъ я. Взгляни на эти бойницы: десять человѣкъ легко могутъ отстоять аулъ отъ нападенія. Смотри: каждая тропинка обстрѣливается; а въ мазанкѣ моихъ красавицъ не стыдно принять хоть самого Измаилъ-Рустама... Пожалуй и у бугурдальскаго бимъ-баши нѣтъ такого гарема.

Сказавъ это, Еврей распахнулъ дверь главной мазанки и, переступивъ порогъ ея, остановилъ взглядъ восторга на лицахъ своихъ гостей, выражавшихъ непритворное изумленіе.

«Ужь не завладѣлъ ли жидъ сокровищами Даміана? съ невольнымъ страхомъ подумалъ Томъ», когда изысканная роскошь Востока, проглядывавшая въ убранствѣ мазанки, остановила на себѣ его вниманіе.

Опасеніямъ Тома легко было повѣрить. Фантастическій цвѣтъ матовыхъ фонарей, подвѣшенныхъ въ аркахъ, раздѣлявшихъ мазанку на нѣсколько отдѣленій, чудно гармонировалъ съ пестротою развѣшанныхъ по стѣнамъ шалей; душистыя смолки тлѣли въ роскошныхъ курильницахъ; выбрасываемая ими струя дыма замысловатыми кудрями вилась въ искусственныхъ групахъ цвѣтовъ. Веселый говоръ, смѣхъ и рѣзвая пѣсня

плѣнницъ говорили о ихъ безпечности и довольствѣ. Казалось, въ гаремъ Гацалъ-Шеуды всѣ племена, населяющія вершины горъ, прислали своихъ красавицъ.

— Ну, дорогіе гости, началъ Еврей: — будемте пировать здѣсь. Хорошій отдыхъ послѣ стольких бѣдъ — нелишнее; къ-тому же сама та, которая обязана вамъ своимъ спасеніемъ, должна поднести намъ сегодня по азерпешу хмѣльнаго абхазскаго меду. Галискаръ! продолжалъ Еврей: — позови сюда Аксани. Кичкени, Ритти и Лейла! спойте намъ пѣсню и станцуйте лезгинку...

Три красавицы, послушныя голосу своего владѣльца, отдѣлились отъ толпы своихъ подругъ, ударили въ звонкій тамбуринъ и начали прекрасную пляску горъ.

Скоро явилась и Аксани. Кейфъ начался...

ГЛАВА IV.

ТАЙНА ТЕСКОЛЬСКАГО УЩЕЛЬЯ.

Десять дней прошло съ того времени, какъ Томъ и Ростиньякъ нашли счастливый пріютъ въ торговомъ аулѣ Еврея. Послѣдній, такъ много выстрадавшій за свои неудачи, полною чашею пилъ теперь счастіе въ настоящемъ. Аксани, взросшая среди простоты горной природы, не умѣла скрыть тѣхъ чувствъ, которыя внушилъ ей молодой христіанинъ. Она отвѣчала на любовь его любовью и не могла не высказать ему этого. Чтобъ вполнѣ устроить свое счастіе, юноша думалъ найдти помощь и добрый совѣтъ въ своемъ товарищѣ; но не такъ

случилось. Съ нѣкоторыхъ поръ Томъ сдѣлся угрюмъ, неразговорчивъ и видимо избѣгалъ встрѣчи съ своимъ другомъ. Это обстоятельство сильно встревожило Ростиньяка: подозрѣніе и ревность запали въ его душу — и новыя страданія опять начались для него.

Однажды, послѣ неспокойной ночи, проведенной въ одиночествѣ и въ неразгаданномъ отсутствіи своего друга, молодой человѣкъ спустился къ выходу въ Хунзах-Гарскую Долину и здѣсь, на свободѣ, предался своимъ старымъ догадкамъ.

«Куда уходитъ Томъ съ разсвѣтомъ каждаго дня и возвращается только ночью?» думалъ онъ Шотландецъ говоритъ: «на охоту»; но лжетъ! часто его винтовка остается неразряженною...

Послѣдняя фраза еще не сошла съ языка Ростиньяка, какъ чьи-то шаги послышались въ пещерѣ и знакомый голосъ Галискара тихо окликнулъ его.

— Здѣсь, здѣсь я, Галискаръ! отвѣчалъ молодой человѣкъ:—что скажешь? спросилъ онъ.

— Не хорошо скажу...

— Что́ же такое?

— Тебѣ измѣнили... Будь остороженъ... Слышишь: будь остороженъ... Это велѣла сказать Аксани

которой, между нами сказать, я служу какъ вѣрная собака.

— Но объяснись, Галискаръ: что случилось?

— Нехорошо... Аксани плачетъ... Другъ твой —врагъ твой: онъ хочетъ отнять у тебя Аксани; онъ дни и почи просиживаетъ у Гацалъ-Шеуды, и бѣдняжка Аксани сама слышала, какъ рыжій Томъ предложилъ моему хозяину какой-то секретъ за дочь его...

— Ну, и Гацалъ-Шеуды... съ трепетомъ спросилъ молодой человѣкъ.

— Согласился! таинственно отозвался Галискаръ. Но... тс! Слышишь! Это онъ... Прощай!

Съ этими словами горецъ скрылся въ извилинахъ подземнаго корридора. Мѣсто мнимаго идіота заступилъ рослый Томъ.

Нельзя было не замѣтить, что Шотландецъ изрядно подгулялъ. Онъ насвистывалъ и, какъ легкое перо, подбрасывалъ винтовку, когда наткнулся на своего друга...

— А, Ростиньякъ!.. вскричалъ онъ: — ты что́ здѣсь дѣлаешь?

— Жду тебя, Томъ.

— Меня?

— Да.

— А зачѣмъ я тебѣ понадобился?

— Гм., надо объясниться, товарищъ! съ рѣшительнымъ видомъ сказалъ молодой человѣкъ.

Этотъ вопросъ почти отрезвилъ рослаго матроса. Прямыя натуры, подобныя Тому-Куку, сдѣлавъ какое-нибудь безсовѣстное дѣло, уличаются тотчасъ же въ немъ и скрыть его не умѣютъ. Поэтому неудивительно, что Томъ не рѣшался оправдываться или принять на себя видъ человѣка, поставленнаго въ недоумѣніе, и прямо сдѣлалъ вопросъ, въ родѣ слѣдующаго:

— Какъ, а развѣ ужь ты все знаешь?

— Все, Томъ.

Шотландецъ тяжело вздохнулъ и, какъ-бы собираясь съ мыслями, закрылъ лицо рукою.

— Да! сказалъ онъ:—Ростиньякъ, я виноватъ передъ тобою: я измѣнилъ тебѣ... я тебя продалъ... я думалъ лишить тебя единственнаго твоего счастія въ этой жизни... Казни меня!

— Для меня довольно твоего раскаянія, Томъ... Давай твою руку и помиримся... Но откажись отъ своихъ желаній!

— Не могу: это верхъ силъ моихъ, Ростиньякъ. Я могу сдѣлать тебѣ одно снисхожденіе..

— Какое же?

Одному жить изъ насъ. Винтовка рѣшитъ споръ. Кто останется живъ, тотъ овладѣетъ секретомъ Тескольскаго Ущелья и Аксани... Согласенъ ли... Больше ни на полволоса не сдѣлаю уступки.

Послѣднія слова сказаны были Томомъ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что бѣдному молодому человѣку ничего не оставалось отвѣчать на нихъ больше, какъ: согласенъ.

— Пойдемъ же! глухо отозвался Томъ:—я знаю удобное мѣсто, гдѣ ужь поистинѣ только жить одному.

Съ какимъ-то изступленіемъ Томъ схватилъ за руку своего товарища и увлекъ его въ балку. Когда они стали взбираться на крутизны, по гребню противоположныхъ скалъ, по направленію къ аулу Гацалъ-Шеуды, быстро промчалась толпа вооруженныхъ всадниковъ. Враги не обратили на нихъ никакого вниманія.

— Вотъ здѣсь! сказалъ Томъ, задыхаясь отъ волненія и останавливаясь на площадкѣ, обрѣзанной съ трехъ сторонъ пропастью. Площадка измѣрялась шагами десятью, небольше. Становись, Ростиньякъ, на край пропасти, я сдѣлаю то же!.. продолжалъ матросъ. Но прежде кинемъ жребій

кому стрѣлять: винтовка одна... вотъ, платкоъ: вынимай! узелъ дастъ право на выстрѣлъ.

Худо скрывая душевный трепетъ, Ростиньякъ протянулъ руку къ платку и выдернулъ узелъ. Томъ горько улыбнулся, выбросилъ на средину площадки какую-то бумагу и медленно подошелъ къ закраинѣ пропасти.

— Томъ, сказалъ Ростиньякъ: — откажись, ради Бога отъ твоихъ желаній... Спаси меня! я не могу быть убійцей...

— Стрѣляй, товарищъ! Нѣтъ, такъ я убью тебя...

— Томъ!...

— Стрѣляй!

— Нѣтъ, не могу!...

Вдругъ Шотландецъ со стономъ полетѣлъ въ пропасть. Молодой человѣкъ безсмысленнымъ взглядомъ окинулъ окрестность и машинально, почти безъ цѣли и мысли, нагнулся къ раскрытой рукописи:

«Въ ночь луннаго затмѣнія, когда темнѣющая луна броситъ лучъ свой на исходъ Тескольскаго Ущелья, у высохшаго ручья, подъ среднимъ, освѣщеннымъ въ это время камнемъ».

Вотъ что прочелъ Ростиньякъ.

—

КЛАДЪ.

ЧАСТЬ II.

ТЕСКОЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

КЛАДЪ.

ГЛАВА I.

НАѢЗДЪ.

Вѣроятно, читатели не забыли, что въ то время, какъ Ростиньякъ и Томъ поднимались на площадку, на гребнѣ противоположныхъ скалъ появилась партія наѣздниковъ. Человѣкъ пятнадцать горцевъ, составлявшихъ ее, едва спустились въ тѣснину, какъ, сбатовавъ своихъ коней и вынувъ изъ чахла винтовки, по знаку передоваго товари-

ща, разсыпались на тропинкахъ, проторенныхъ къ аулу Гацалъ-Шеуды. Сторожевые аулы не замѣчали ихъ; Ростиньякъ, которому открывалась вся окрестность, тоже. Молодой человѣкъ, придя нѣсколько въ себя, внимательно разглядывалъ завѣщаніе Даміана. Въ рукахъ его былъ лоскутъ пергамента, испещренный іероглифическими знаками и арабскими буквами. Ниже, на второй половинѣ рукописи, другою рукою и также по-арабски, объяснялась разгадка тайны. Подъ этимъ объясненіемъ находился его переводъ на абхазское нарѣчіе, написанный англійскими буквами.

— Бѣдный Томъ! сказалъ молодой человѣкъ;— столько трудовъ, опасностей и хлопотъ стоила тебѣ разгадка этой тайны, и ты пожертвовалъ ею за счастіе обладать женщиною, которая не могла любить тебя. Однако нельзя ли еще спасти его? продолжалъ Ростиньякъ, приближаясь къ пропасти, въ которую упалъ Томъ.

Въ эту минуту Галискаръ неожиданно заслонилъ дорогу молодому человѣку.

— Напрасно, съ обычнымъ хлоднокровіемъ сказалъ горецъ:— рыжій ужъ не встанетъ: пропасть

такъ глубока, что пока долетишь до ея дна, успѣешь десять разъ разсыпаться прахомъ...

— Какъ, Галискаръ! зачѣмъ ты здѣсь? Развѣ ты все видѣлъ? съ недоумѣніемъ спросилъ молодой человѣкъ.

— Здѣсь я затѣмъ, чтобъ исполнить приказаніе Аксани.

— Какое приказаніе?

— Она мнѣ велѣла объявить тебѣ намѣренія рыжаго, да она же и велѣла мнѣ слѣдить за вами. Разговоръ я вашъ подслушалъ и не терялъ васъ изъ виду. Я спрятался вотъ за этимъ камнемъ; и когда ты отказывался отъ своего выстрѣла, я хотѣлъ метнуть кинжаломъ въ бокъ Тому, что сдѣлалъ бы и тогда даже, еслибы выстрѣлъ остался за нимъ. Но теперь-то я совершенно правъ... Пойдемъ. Однако... тс! Постой... слышишь?

— Да, да! тревожно отозвался Ростиньякъ: — въ аулѣ шумъ.

— Что тамъ могло случиться?

— Галискаръ!.. измѣняясь въ лицѣ, сказалъ молодой человѣкъ:— аулъ въ опасности...

— Это почему?

— Въ немъ хищники. Проходя сюда съ Томомъ, я видѣлъ на скалахъ партію горцевъ.

— Ну, такъ что́ жь? Пхе!.. незамѣченные, они не могли бы добраться до нашихъ пещеръ. Наши сторожевые зорки и далеко видятъ врага. А теперь ты слышишь шумъ въ самомъ аулѣ. Нѣтъ, это, вѣрно, женщины...

Но Галискаръ еще не успѣлъ высказать послѣдняго слова, какъ въ аулѣ раздалось нѣсколько выстрѣловъ и въ то же мгновеніе, надъ обрывомъ при входѣ въ пещеры, показались два горца. Преслѣдуя другъ друга, они дрались кинжалами; наконецъ схватились, обнялись, метнулись вправо, влѣво и покатились съ кручи въ балку.

— Ты правъ, не измѣняя своему хладнокровію, сказалъ Галискаръ: это хищники. Сейчасъ одинъ изъ нихъ провалился въ джехеннемъ вмѣстѣ съ Увиджою. По-дѣломъ ему: не зѣвай!

— Такъ чего же мы ждемъ, Галискаръ? вскричалъ Ростиньякъ:—бросимся на помощь къ нашимъ!

— На помощь!... Экую сказалъ глупость! Что мы съ тобою сдѣлаемъ вдвоемъ противъ десяти, а можетъ-быть и больше? Наши ужь теперь

вѣрно всѣ перевязаны... Вотъ полюбуемся, какъ хищники поведутъ ихъ на арканѣ въ горы...

— Не стыдно ли тебѣ, Галискаръ, такъ зло смѣяться, тогда-какъ гибнетъ твой другъ, Гацалъ-Шеуды и Аксани?

— Не стыдно, кунакъ, право не стыдно. Вотъ не шуми лучше и потрудись прилечь за этотъ камень, чтобъ молодцы насъ не замѣтили. Если насъ перерѣжутъ, тогда пропали Гацалъ и Аксани; если сбережемъ наши головы, тогда есть чѣмъ подумать, какъ выручить друзей. Ну, за камень!

Ростиньякъ повиновался горцу и, слѣдуя его примѣру, прилегъ за камень.

Каждый крикъ, каждый отлосокъ, раздававшійся въ аулѣ, какъ страшная вѣсть отзывались въ сердцѣ молодаго человѣка. Напрягая слухъ и зрѣніе, онъ старался угадать, что́ происходитъ тамъ, гдѣ, за нѣсколько часовъ, онъ такъ былъ счастливъ. Галискаръ былъ спокойнѣе своего товарища и первый замѣтилъ толпу горцевъ, показавшуюся при выходѣ изъ пещеръ. Хищники, окруживъ красавицъ Гацалъ-Шеуды, перешли съ ними балку и скрылись въ ущельи.

— Галискаръ! спросилъ Ростиньякъ: ты видѣлъ Аксани?

— Видѣлъ: она шла рядомъ съ отцомъ и почти впереди всѣхъ. Но лучше бы мнѣ не видать ихъ, если это случилось въ послѣдній разъ...

— Какъ, ты ужь считаешь ихъ погибшими?

— Нѣтъ, не то хотѣлъ я сказать... но думаю, что мы нескоро увидимся съ ними...

— Галискаръ! ты пугаешь меня твоимъ зловѣщимъ спокойствіемъ...

— Я говорю правду, кунакъ. Къ нашему несчастію, въ толпѣ этихъ хищныхъ карагутовъ я не могъ узнать ни одного знакомаго лица, тогда-какъ всѣхъ придорожныхъ молодцовъ нашихъ горъ знаю наперечетъ. А эти пріятели вѣрно пожаловали къ намъ издалека...

— Но не все ли это равно для насъ?

— Нѣтъ. Теперь, вмѣсто одного дѣла, мы должны будемъ приняться за два; прежде должны найдти слѣдъ похищенныхъ, потомъ ужь ихъ выручить, а то и другое нелегко.

— Однакожь намъ ничто не мѣшаетъ броситься сейчасъ по слѣдамъ хищниковъ...

— Да гдѣ они? равнодушно спросилъ Галискаръ.— За ущельемъ дорогъ и вьючныхъ тропинокъ не перечтешь. Если мы будемъ отъ нихъ и въ десяти шагахъ, такъ ничего не увидимъ: скалы и глыбы камней скроютъ партію отъ нашего взгляда...

— Ненадо мѣшкать...

— Еще глупость! Кто тебѣ обѣщалъ, что мы не наткнемся на отставшихъ молодцовъ? Мой покойный отецъ былъ опытный наѣздникъ и часто говаривалъ мнѣ: «Если хочешь, Галискарушка, украсть кинжалъ, не торопись, чтобъ имъ не обрѣзаться; будешь слѣдить звѣря, выжди лучше, когда онъ улегся». Вотъ что! Пропасть-то мы еще всегда успѣемъ, а отъ этого твоей Аксани не легче...

— Но что же намъ дѣлать?

— Прежде побывать въ аулѣ, запастись винтовками, порохомъ и просомъ; все это такъ хорошо спрятано, что ужь вѣрно не далось въ руки хищникамъ; а потомъ и въ дорогу: какъ-нибудь набредемъ не слѣдъ хищниковъ.

— Ну, въ дорогу, да осторожнѣе.

Горецъ и Ростиньякъ скоро достигли пещеръ и, спустя нѣсколько минутъ, выбрались на площадку аула. При входѣ въ растворенную саклю Еврея,

Ростиньякъ въ ужасѣ отшатнулся назадъ: на порогѣ мазанки лежали трупы Уча, Бона и Доу, а рядомъ съ ними человѣкъ пять убитыхъ наѣздниковъ.

— Вотъ бѣдные мои товарищи! сказалъ Галискаръ.— Посмотри: они знали кого отстаивать! И, продолжалъ онъ, внимательно разглядывая охладѣвшія лица враговъ:—какъ я вижу, Аксани и Гацалъ-Шеуды не даромъ достались хищникамъ.

Между-тѣмъ, мучимый тоскою и отчаяніемъ, молодой человѣкъ переступилъ порогъ сакли. Она была совершенно пуста; даже исчезли книги и рукописи Еврея. Послѣднее обстоятельство не могло не обратить на себя вниманія Ростиньяка.

— Галискаръ! сказалъ онъ:—взгляни: хищники завладѣли и книгами Гацалъ-Шеуды.

— Какъ! на что онѣ имъ, когда въ харемѣ не тронута ни одна курильница?

— Не знаю, Галискаръ, но думаю, вѣроятно, въ горахъ прошла вѣсть, что Еврей день и ночь роется надъ какою-то тайною...

— Ну?...

— Ну и собрались молодцы для того, чтобъ завладѣть ею; вѣдь про сокровища Даміана чудеса

разсказываютъ... Ахъ, Галискаръ! если бы только догадки мои были справедливы, мы могли бы выкупить свободу Аксани!

— Мудренаго ничего нѣтъ, въ раздумьи отозвался Галискаръ.—Въ нашихъ горахъ теперь такое множество контрбандистовъ всѣхъ цвѣтовъ, что изъ нихъ найдется и не одинъ охотникъ до наслѣдства Грузина. Можетъ-быть, можетъ-быть! повторилъ онъ.—Если только причиною наѣзда были бумаги Гацалъ-Шеуды, такъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что это продѣлка контрбандистовъ. Горецъ не любитъ кормить себя грязью и добывать золото у покойниковъ: онъ знаетъ, что отъ живыхъ можно вѣрнѣе поживиться. Однако, кунакъ, у насъ еще много впереди времени поговорить и подумать напросторѣ... Принимайся за дѣло! Пойдемъ за запасами—и въ дорогу. Теперь въ горахъ грязь не сходитъ съ тропинокъ и намъ, быть-можетъ, удастся попасть на свѣжіе слѣды наѣздниковъ.

Чрезъ полчаса хорошо вооруженные, съ большимъ запасомъ пороха и проса, новые друзья оставили опустѣлый и ограбленный аулъ.

—

ГЛАВА II.

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ.

Темная ночь раскинулась надъ Хунзах-Гарскими Горами. Мелкій и сырой снѣгъ, перемежаясь дождемъ, при сильномъ вѣтрѣ, закрутился надъ тропинками, на которыхъ не появлялось въ эту минуту ни одного живаго существа. Пустыня какъ-бы вымерла совершенно: въ ней не было слышно ни обычнаго воя шакаловъ, ни заунывнаго вскрика ночнаго филина; только шумъ упавшей въ пропасть лавины, вмѣстѣ съ шелестомъ дождя и завывающимъ вѣтромъ, нарушали ея молчаніе...

Одинъ страдалецъ былъ свидѣтелемъ этой грустной и печальной ночи, и этотъ страдалецъ былъ Томъ.

Упавъ съ площадки, онъ скатился на нѣсколько футовъ внизъ и задержался на выдавшейся глыбѣ земли и кремней. Мгновенный ужасъ оледенилъ кровь въ жилахъ Шотландца въ минуту паденія; ушибъ и легая рана лишили чувствъ и памяти рослаго матроса, но влажный снѣгъ и холодъ ночи заставили его очнуться. Томъ открылъ глаза, но мракъ и тьма мѣшали ему разглядѣть окружавшіе его предметы. Нѣсколько мгновеній несчастный не могъ привести себѣ на память минувшаго; но наконецъ боль отъ раны и липкая кровь, которую онъ ощупалъ на своемъ платье, напомнили ему утреннюю встрѣчу съ Ростиньякомъ. Ослабѣвшій матросъ съ усиліемъ приподнялся на колѣни и осторожно повелъ вокругъ руками. Ужасъ его былъ невыразимъ, когда онъ, напрягая зрѣніе, разглядѣлъ ничтожный кусокъ земли, державшій его и готовый каждую минуту рухнуть въ пропасть. Внизу слышалось глухое урчаніе потока; надъ головою завывалъ вѣтеръ и дробно стучалъ дождь о камни площадки. Казалось, къ спасенію не было никакихъ средствъ. Во мракѣ Шотландецъ не рѣшался искать всхода наверхъ; онъ даже боялся

пошевельнуться—такъ ничтожно было пространство, которое занималъ Томъ.

Лишенный почти твердости и изнемогавшій отъ холода, онъ дождался наконецъ перваго разсвѣта. Радость его не имѣла предѣловъ, когда онъ замѣтилъ, что по выдавшимся кремнямъ еще есть надежда выбраться на площадку. Эта находка совершенно возвратила силы и бодрость Тому. Не теряя ни минуты, онъ съ обычною своею ловкостью вцѣпился въ первый кремень, повисшій надъ его головою, съ него прыгнулъ на другой, и почти съ воплемъ восторга ухватился за закраину площадки. Едва только Томъ выбрался изъ своей страшной могилы, какъ что-то съ шумомъ рухнуло на дно пропасти. Томъ не могъ не заглянуть въ бездну и поблѣднѣлъ при мысли о страшной смерти, которая за минуту грозила ему: упавшая глыба та самая, на которой Шотландецъ провелъ день и ночь.

«Ну, Томъ, сказалъ самъ себѣ матросъ, выразительно тряхнувъ головой:—ты еще живъ... Развѣ для счастья Ростиньяка», продолжалъ онъ. «Въ-самомъ-дѣлѣ, я долженъ протянуть ему руку дружбы... Онъ проститъ меня, хотя я и безсовѣстно поступилъ съ нимъ... Пусть его владѣетъ моими сокровищами и Аксани!.. по праву нашего договора на смерть, и то и другое принадлежитъ ему; первое даже самъ постараюсь передать ему изъ рукъ въ руки... быть-можетъ, и подѣлится. Однакожь, немножко странно! думалъ Томъ:—какъ и кто могъ полоснуть меня кинжаломъ въ бокъ; кто этотъ непрошенный помощникъ моего друга? Неужели подлый заговоръ... Фу! не можетъ быть! Ростиньякъ не виноватъ; вѣдь не онъ, а я его вызвалъ на поединокъ: къ тому, же наше объясненіе началось и кончилось такъ скоро, что мы не имѣли времени встрѣтить свидѣтеля.

Разсуждая такимъ-образомъ, Томъ спустился со скалъ и направился къ аулу Гацалъ-Шеуды. Едва онъ только миновалъ овраги, тянувшіеся по правую сторону тропинки, какъ чей-то протяжный стонъ заставилъ его осмотрѣться кругомъ. Стонъ повторился и вслѣдъ за тѣмъ чей-то слабый голосъ назвалъ матроса по имени.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ.

— Я... Гиикъ... твой старый товарищъ—матросъ Боддена! При этомъ отвѣтѣ Томъ, подойдя

къ оврагу, замѣтилъ въ немъ окровавленнаго и избитаго горца.

— Гинкъ! вскричалъ онъ, съ недоумѣніемъ посматривая на трупъ Увяджа, валявшійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ знакомаго матроса:—ты въ этихъ горахъ! раненъ!

— Просто весь изломанъ, Томъ... кости какъ въ мѣшкѣ... насилу очнулся, но встать не могу... Помоги мнѣ.

— Изволь, изволь, товарищъ, хоть я и самъ несовсѣмъ-то цѣлъ. Но скажи, сдѣлай милость, кто такъ мастерски переломалъ твои ребра?

— Упалъ со скалы...

— О! Ну, съ улыбкой отозвался Томъ: — вотъ выдался денекъ: два почтенные человѣка, два сослуживца Боддена, проплясали лезгинку на воздухѣ...

— А еще то кто?

— Я, душенька Гинкъ; сію минуту выбрался только изъ гроба.. Но какъ ты попалъ въ эти трущобы?

— Съ Бодденомъ.

— А онъ развѣ здѣсь?

— Нѣтъ, теперь... не думаю.

— Но былъ, ты говоришь.

— Да, какъ же, со всѣми своими молодцами.

— Зачѣмъ?

— Обобрать аулъ Гацалъ-Шеуды...

— Какъ! Ограбилъ?

— Точно такъ, почтенный Томъ... Видишь этого наѣздника?

— Ну?

— Онъ защищалъ свой аулъ. Я съ нимъ схватился и полетѣлъ внизъ... вышло на повѣрку, что мои кости покрѣпче его.

— Но что ты говоришь Гинкъ... Возможно ли! аулъ ограбленъ...

— До-чиста, хоть шаромъ покати.

— И женщины?

— Да все взято, что можно было взять...

— Неужели онъ завладѣлъ Аксаньею?

— А не знаемъ... Мало ли тамъ было женщинъ—гдѣ жь знать, какъ ихъ звать каждую!

— Ахъ бѣдный Гацалъ-Шеуды!

— Бѣдный! Вотъ еслибы онъ не былъ богаче насъ, такъ до него бы и не добрались. Боддену не такъ нужны были плѣнницы, какъ самъ Еврей и его бумаги: говорятъ, въ нихъ дива-дивныя!

— Постой, постой душечка Гиикъ! разсказъ твой становится занимательнымъ и для меня особенно-интереснымъ. Пойдемъ въ аулъ. Если въ немъ все обобралъ Бодденъ, такъ вѣрно же хоть сакли оставилъ намъ.

— Но я не могу двинуться съ мѣста, Томъ...

— Попробуй, держись за меня.

— Не могу.

— Такъ что жь мнѣ съ тобой дѣлать?

— Подставь плечи, голубчикъ Томъ... Ужь позволь осѣдлать тебя!

— Развѣ изъ человѣколюбія... изволь.

Громадный Томъ нагнулся, принялъ на широкую свою спину тяжелую ношу и, перекидываясь съ товарищемъ отрывистыми фразами, принесъ его въ аулъ.

Старые знакомцы расположились въ харемѣ. Какъ и первыхъ посѣтителей, ихъ немало изумило невниманіе наѣздниковъ къ богатому украшенію роскошной клѣтки плѣнницъ.

— Вотъ, что называется истиннымъ комфортомъ! весело вскричалъ Томъ, котораго никогда и ничто не печалило.... Посмотри-ка, дружище, продолжалъ онъ, бережно положивъ своего грязнаго товарища на мягкій и щегольской диванъ: — вѣдь мы съ тобою можемъ провести день и два здѣсь такъ, какъ намъ и во снѣ не грезилось: мягкіе диваны, курильницы, отличныя стамбулки и лучшій табакъ....

— Все это прекрасно, Томъ, перебилъ товарищъ: лежать мы можемъ очень-удобно и мягко, курить вкусно, да не мѣшало бы что-нибудь скушать, а главное выпить—какъ ты думаешь?

— Все это явится: ѣшь по горло, пей допьяна.

— Ну, а съумѣешь ли ты сдѣлать мнѣ перевязку?

— Случалось. Съ нея-то мы и начнемъ. Но прежде—извини—загляни въ подполье мазанки Гацалъ-Шеуды: тамъ, въ былое время, оставался порядочный запасъ копченаго оленя, нѣсколько бутылочекъ бѣлаго рому....

— Рому! съ невыдержаннымъ восторгомъ вскричалъ Гиикъ.—Ахъ, Томъ, какъ бы это хорошо! А! нѣсколько бутылокъ!...

— Прибавь къ нимъ еще боченка два абхазскаго меду.

— Прелесть, прелесть!... олень, ромъ, медъ! Или, иди скорѣе, Томъ, объ перевязкахъ послѣ!

Вкусы двухъ пріятелей совершенно отвѣчали одинъ другому, и потому Томъ, внимательный къ просьбѣ товарища, тотчасъ же отправился исполнить ее во всей точности.

Дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ, какъ расторопный Шотландецъ явился съ огромнымъ кускомъ мяса и двумя бутылками рому.

— Ну, сказалъ онъ:—теперь за перевязки; къ тому же, не мѣшаетъ и мнѣ побезпокоиться о своей ранѣ. Подпимись Гиикъ.... вотъ такъ.... Ну, вѣдь вывиховъ у тебя нѣтъ?

— О, разумѣется! Куда жь бы я съ нимъ годился?

— Стало-быть, только ушибы и царапины?

— Да.

— Покажи-ка.... У! да дѣло дрянь. Зачѣмъ перевязки? Лежи только смирно.... Выпей побольше и покрѣпче усни, а завтра хоть опять новый скачокъ....

— Ты думаешь?

— Право. Лежи. А вотъ мнѣ такъ нужно бинтъ и клочокъ корпіи.

Съ этими словами Томъ осмотрѣлъ свою рану и съ самодовольною улыбкою сказалъ:

— Этакой дряпной ударъ!.. въ кость... маленькая царапина... Ничего ненадо! Будемъ пить Гиикъ.

— Начнемъ, товарищъ.

Такимъ-образомъ, послѣ медицинскаго осмотра, пріятели выпили по доброму азарпешу рома и, какъ некормленные волки, напали на оленину.

— Итакъ, началъ Томъ, утоливъ первые порывы своего голода и предлагая тостъ за общее здоровье:—ты говоришь, что Бодденъ здѣсь?

— Здѣсь.

— Что же его заставило остаться въ этихъ горахъ?

— Маленькая непріятность. Судно его разбилось, въ началѣ этого мѣсяца, въ виду Дранды. Къ-счастью, онъ успѣлъ спасти свои деньги и свой экипажъ, но потерялъ кочерму и грузъ...

— А богатый былъ грузъ, Гиикъ?

— У! все шолкъ, да оружіе... Ну, вотъ въ числѣ погибавшихъ былъ и я. Ночью мы выбрались на берегъ. Подъ Драндою, въ абазинскомъ селеніи, Бодденъ нанялъ нѣсколько саклей и размѣстилъ насъ, думая дождаться весны, купить ко-

черму и снова приняться за дѣло... Прошло нѣсколько дней, какъ, однажды ночью, на нашъ берегъ, послѣ страшной бури, разыгравшейся еще съ вечера, выкинуло раздробленный каикъ. Въ немъ мы нашли полумертваго Мавра, который оказался командиромъ погибшей кочермы. Его перенесли въ саклю Боддена, отогрѣли, оттерли и развязали языкъ. Бодденъ и Мавръ узнали другъ друга. Они были давно знакомы между собою и часто помогали другъ другу въ торговыхъ оборотахъ... Нашъ командиръ принялся ухаживать за больнымъ другомъ, какъ за ребенкомъ; но помощь и старанія его были напрасны. За нѣсколько часовъ до своей смерти, Мавръ подозвалъ къ себѣ Боддена и сказалъ:

«Благодарю, добрый человѣкъ, за твои заботы и ласку! Чувствую, что мнѣ ужь не жить, и хочу за услугу заплатить тебѣ услугою. На-дняхъ одинъ изъ моихъ матросовъ, твой землякъ, вѣроятно, погибшій съ кочермою, объявилъ мнѣ тайну, которая, если ты слыхалъ о сокровищахъ, зарытыхъ въ Тескольскомъ Ущельи, указываетъ мѣсто этихъ сокровищъ...»

— Ну, ну... проговорилъ Томъ.

— Ну, Бодденъ, много наслушавшись объ этихъ сокровищахъ, навострилъ, разумѣется, уши. Мавръ, задыхаясь въ предсмертной мукѣ, продолжалъ: «тайну эту, кажется, только знаютъ трое: матросъ, я и Еврей Хунзах-Гарскихъ Пещеръ — Гацалъ-Шеуды, который разгадалъ ее при помощи кабалистическихъ книгъ..»

— Знаю! знаю его! вскричалъ Бодденъ.

«Ну, такъ слушай же меня, продолжалъ черный: и не проронн ни одного слова: въ ночь луннаго затмѣнія...»

Здѣсь дыханіе умирающаго сдѣлалось прерывисто, онъ судорожно вздрогнулъ, языкъ его онѣмѣлъ и чрезъ нѣсколько минутъ его не стало.

— Какъ! только? вскричалъ Томъ.

— Да.

— Такъ вотъ тому причина, почему Бодденъ разорилъ аулъ Гацалъ-Шеуды?

— Именно. Съ той ночи, въ которую мы зарыли на берегу моря трупъ Мавра, нашъ шкиперъ лишился сна, аппетита и покоя: онъ не могъ разстаться съ мыслью о сокровищахъ; она не выходила изъ головы его, сосала его сердце, и онъ рѣшился узнать тайну Тескольскаго Ущелья. Только мнѣ довѣрилъ Бодденъ свой планъ и свои мыс-

ли. Я одобрилъ ихъ, не потому, чтобы желалъ золота, нѣтъ, но скука одолѣвала меня; я не видѣлъ конца нашей лѣни и бездѣйствію, и поддакнулъ моему пріятелю. Планъ его заключался въ томъ, чтобы запугать Гацалъ-Шеуды и выпытать изъ него тайну; а чтобъ положиться на помощь нашихъ горцевъ, мы рѣшились обѣщать имъ богатую добычу, въ чемъ и не ошиблись...

— Правда, правда: до сорока женщинъ составляли богатство Еврея... Такъ вотъ какъ! Ну, скажи-ка теперь, пріятель, продолжалъ Томъ:—тебѣ неизвѣстно, гдѣ мы можемъ встрѣтить Боддена?

— Знаю. У насъ, на всякій случай, назначено сборное мѣсто, въ горномъ аулѣ, на *Хыцкорвѣ* *. Тамъ у Боддена задушевныхъ кунаковъ не перечтешь. Къ-тому же, вѣдь надо гдѣ-нибудь пріютиться. Скоро ли изъ жида онъ вытащитъ тайну?..

— Вотъ это справедливо! Нескоро, поручусь головой!

---

* Такъ называется одинъ изъ большихъ рукавовъ р. Кодора. Хыцкорве отдѣляется въ южныхъ предѣлахъ Цибельдинскаго Округа, и въ горныхъ тѣснинахъ бѣжитъ на сѣверъ.

— Ты, вѣрно, хорошо знакомъ съ Гацалъ-Шеуды?

— Знакомъ съ Евреемъ, да прибавлю кстати и то, что Еврей на столько же знаетъ тайну Даміановскаго завѣщанья, на сколько ты и самъ Бодденъ.

— Будто бы?

— Ужь повѣрь мнѣ. А кто именно знаетъ это, на того я укажу сейчасъ... Выпьемъ-ка, дружище!

И бесѣдующіе снова осушили по изрядной порціи любимаго напитка.

— Тайною Даміановскаго завѣщанія, торжественно сказалъ Томъ:—владѣю я !... Да! Что ты вытаращилъ на меня такъ страшно глаза, какъ-будто бы хочешь ухватить меня за горло и потомъ заглянуть ко мнѣ въ карманъ... Я не лгу, товарищъ... Тотъ матросъ, о которомъ говорилъ умирающій Мавръ, никто другой, какъ твой пріятель, Томъ.

— Но какъ же, душа моя, тебѣ посчастливилось сдѣлаться наслѣдникомъ скряги Грузина?..

— Ну, это длинная исторія, о которой и вспоминать не стоитъ... Къ-тому же разсказъ нентересенъ. А вотъ, ты скажи мнѣ, когда вы ворва-

лись въ аулъ, не встрѣтился ли тебѣ молодой, красивый человѣкъ?

— Нѣтъ, За это могу поручиться. Защитники Гацалъ-Шеуды не могли похвастать красивою наружностью. Это именно были люди, съ которыми неопасно оставлять хорошенькихъ женщинъ.

— Жаль, если твои товарищи уходили этого молодца...

— Не можетъ быть... Говорю тебѣ, что всѣхъ защитниковъ аула счетомъ было четыре.

— Хорошо, это мы скоро узнаемъ. Если онъ живъ, то вѣрно бросился по слѣдамъ Боддена, и мы его встрѣтимъ на Хыцкорвѣ; если же не тамъ, есть еще мѣсто, гдѣ намъ неизбѣжно быть вмѣстѣ, именно въ Тескольскомъ Ущельѣ. Тайною мы владѣемъ вмѣстѣ, съ тою только разницею, что лоскутъ завѣщанія въ его рукѣ. А я слышалъ, что никто такъ скоро не завладѣетъ сокровищемъ, какъ тотъ у кого именно находится это завѣщаніе... Выпьемъ, дружище, и уснемъ. Во всякомъ случаѣ, не уйду отсюда до-тѣхъ-поръ, пока мы не выпьемъ всѣхъ боченковъ съ медомъ; къ тому-же и ты вряд ли поднимешься скоро...

— А вотъ увидимъ, что скажетъ покойный сонъ... Прощай Томъ.

— До перваго просонья Гикъ.

Скоро въ опустѣломъ харемѣ раздалось дружное храпѣнье двухъ друзей, на этотъ разъ не въ мѣру подгулявшихъ.

—

ГЛАВА III.

АБРЕКИ.

Между-тѣмъ, какъ Томъ кейфовалъ на просторѣ въ аулѣ Гацалъ-Шеуды, путники наши, Галискаръ и Ростиньякъ были уже далеко отъ Хунзахъ-Гара. Они скоро открыли слѣдъ, который оставилъ за собою конный караванъ наѣздниковъ. Проходя скалами и пустынями, которыя тянутся къ востоку отъ Хунзахъ-Гара, Галискаръ, знакомый съ мѣстностью, скоро убѣдился, что хищники держатъ путь на сѣверо-восточную сторону Цибельды, къ одному изъ надрѣчныхъ ауловъ.

Въ горахъ сѣверной Абхазіи зима и осень бываютъ чрезвычайно непостоянны. Часто въ два дни совершаются въ погодѣ разительныя перемѣны: случается, что вчерашній холодъ на утро другаго дня смѣняется нестерпимымъ зноемъ; а потому и не удивительно, что странники наши, испытывая двои сутокъ жестокій холодъ и почти не выходя изъ мокраго платья, на третій день едва могли подаваться впередъ, измученные зноемъ полдневнаго солнца; къ-тому же равнина не представляла ни одного предмета, за которымъ бы можно было укрыться отъ палящихъ лучей солнца и отдохнуть. Ростиньякъ шелъ медленно и въ раздумьи, опустивъ на грудь голову, какъ между-тѣмъ Галискаръ, безпрестанно поглядывалъ по сторонамъ, останавливая испытующее вниманіе на каждомъ встрѣчномъ предметѣ. Лицо перваго выражало утомленіе и сильное душевное страданіе; послѣдній казался озабоченнымъ.

— А!.. нашелъ! съ восторгомъ вскричалъ Галискаръ.—Смотри, душечка Ростиньякъ...

— Что тамъ такое? какъ-будто нехотя отозвался молодой человѣкъ на слова своего товарища.

— Открылъ слѣдъ, который, мы думали, что для насъ снова потерянъ.

При этомъ извѣстіи лицо молодаго человѣка ожило и улыбка удовольствія скользнула на его тонкихъ губахъ.

— Гдѣ, мой другъ Галискаръ, гдѣ ты его видишь?

— Вотъ обгорѣлые сучья чинара и сосны... вотъ еще... гляди дальше то же самое...

Въ-самомъ-дѣлѣ, не было никакого сомнѣнія, что на этомъ мѣстѣ отдыхала большая партія путниковъ. Разбросанные и закопченные камни, обгорѣлыя головни, нѣсколько оставленныхъ и вбитыхъ въ землю кольевъ, на которыхъ подвѣшивались, вѣрно, походные котелки — все это оправдывало догадку Галискара. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, путники совершенно увѣрились въ истинѣ своего предположенія, когда должны были вступить на песчаную тропинку, изрытую конскими копытами.

— Ну, Галискаръ, сказалъ Ростиньякъ: — я теперь оживаю... Шутка ли, цѣлыя сутки мы шли наудачу, не встрѣчая ни одного слѣда... Слава Богу! теперь я снова готовъ идти безъ устали,

несмотря на истомленіе, жажду и этотъ жестокій зной...

— Не мѣшало бы отдохнуть немного. Въ настоящую минуту мы спокойны и намъ необходимъ сонъ, чтобы подкрѣпить свои силы.

— Но не-уже-ли ты рѣшишься расположиться въ этой степи, гдѣ солнце прожигаетъ темя насквозь?

— Нѣтъ... Вонъ, погляди направо, у скалъ, передъ нами открывается роща и, какъ мнѣ помнится, именно при входѣ въ нея пробѣгаетъ ручей. Если онъ не высохъ съ-тѣхъ-поръ, какъ я познакомился съ нимъ — а тому уже прошло лѣтъ восемь — то мы съ тобою совершенно счастливы.

Ростиньякъ не отвѣчалъ. Удовольствіе его было такъ велико, что онъ весело кивнулъ головой и прибавилъ шагу. Скоро товарищи, подстрекаемые надеждою на удобный отдыхъ въ тѣни самшита, вступили въ густую рощу.

— Садись, Ростиньякъ, вотъ въ этомъ оврагѣ насъ не увидитъ ни чей глазъ, и этотъ кудрявый можжевельникъ, поросшій по краямъ ямы, будетъ служить намъ непроницаемою крышею. Садись, ты усталъ болѣе моего, а я между-тѣмъ принесу воды.

— Открылъ слѣдъ, который, мы думали, что для насъ снова потерянъ.

При этомъ извѣстіи лицо молодаго человѣка ожило и улыбка удовольствія скользнула на его тонкихъ губахъ.

— Гдѣ, мой другъ Галискаръ, гдѣ ты его видишь?

— Вотъ обгорѣлые сучья чинара и сосны... вотъ еще... гляди дальше то же самое...

Въ-самомъ-дѣлѣ, не было никакого сомнѣнія, что на этомъ мѣстѣ отдыхала большая партія путниковъ. Разбросанные и закопченные камни, обгорѣлыя головни, нѣсколько оставленныхъ и вбитыхъ въ землю кольевъ, на которыхъ подвѣшивались, вѣрно, походные котелки—все это оправдывало догадку Галискара. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, путники совершенно увѣрились въ истинѣ своего предположенія, когда должны были вступить на песчаную тропинку, изрытую конскими копытами.

— Ну, Галискаръ, сказалъ Ростиньякъ:—я теперь оживаю... Шутка ли, цѣлыя сутки мы шли наудачу, не встрѣчая ни одного слѣда... Слава Богу! теперь я снова готовъ идти безъ устали,

несмотря на истомленіе, жажду и этотъ жестокій зной...

— Не мѣшало бы отдохнуть немного. Въ настоящую минуту мы спокойны и намъ необходимъ сонъ, чтобы подкрѣпить свои силы.

— Но не-уже-ли ты рѣшишься расположиться въ этой степи, гдѣ солнце прожигаетъ темя насквозь?

— Нѣтъ... Вонъ, погляди направо, у скалъ, передъ нами открывается роща и, какъ мнѣ помнится, именно при входѣ въ нея пробѣгаетъ ручей. Если онъ не высохъ съ-тѣхъ-поръ, какъ я познакомился съ нимъ—а тому уже прошло лѣтъ восемь—то мы съ тобою совершенно счастливы.

Ростиньякъ не отвѣчалъ. Удовольствіе его было такъ велико, что онъ весело кивнулъ головой и прибавилъ шагу. Скоро товарищи, подстрекаемые надеждою на удобный отдыхъ въ тѣни самшита, вступили въ густую рощу.

— Садись, Ростиньякъ, вотъ въ этомъ оврагѣ насъ не увидитъ ни чей глазъ, и этотъ кудрявый можжевельникъ, поросшій по краямъ ямы, будетъ служить намъ непроницаемою крышею. Садись, ты усталъ болѣе моего, а я между-тѣмъ принесу воды.

Услужливый Галискаръ скоро явился съ запаснымъ кувшиномъ и, утоливъ жажду, путники раздѣлили между собою по горсти проса, растянувшись на сырой землѣ.

Ихъ незавидное положеніе и микроскопическое удобство, которымъ они теперь пользовались, казались имъ выше всякаго счастія.

— Знаешь ли что́, дорогой мой, весело и съ особеннымъ радушіемъ началъ Галискаръ, дружески ударивъ по плечу своего товарища:—я тебѣ скажу еще пріятную новость...

— Говори, говори, Галискаръ; въ нашемъ положеніи всякій намекъ на удачу есть ужь большое счастіе.

— А вотъ что̀! Теперь я не сомнѣваюсь болѣе, что мы рѣшительно попали на прямой слѣдъ похитителей...

— Ты увѣренъ?..

— Увѣренъ. Сейчасъ проходя къ ручью, я разглядѣлъ слѣды копытъ; эти слѣды тянутся къ ущелью, въ концѣ котораго видно, какъ на солнцѣ сверкаетъ рѣка. Если хищники переправились черезъ нея, то ужь тутъ до нихъ два шага. Я

наперечетъ знаю всѣ зарѣчные аулы, раскинутые по передовому предгорью...

— Ну, а если они не переправились?...

— Не можетъ быть этого. На этой сторонѣ Хыцкорвы нѣтъ никакого жилья, и развѣ въ здѣшнихъ горахъ скитаются одни отчаянные абреки, съ которыми не дай Аллахъ намъ встрѣтиться. Этотъ народъ, просто сказать, хуже самого шайтана: ни чести, ни жалости, ни души — ровно ничего въ нихъ нѣтъ. У нихъ и на кинжалахъ понаписаны такія правила, что волосъ дыбомъ встанетъ, какъ прочтешь иное изреченіе. Ну ихъ, и говорить-то про нихъ не въ пору, нехорошо. Лучше, если нѣтъ охоты уснуть, перемолвимъ слова два объ Аксани...

— Не напоминай мнѣ о ней, добрый Галискаръ.

— А чтожь?

— Сердце разрывается на части, плакать хочется...

— Вотъ и она точно такъ же говорила, когда я, бывало, напомню о тебѣ.

— Какъ, развѣ она вспоминала когда-нибудь обо мнѣ?

— Эге!.. Вотъ, говорю точно такъ же, какъ и

ты, бывало, проситъ: «Ахъ, Галискарушка, не говори мнѣ о немъ», а сама кстати и не кстати— все о тебѣ...

— Возможно ли, Галискаръ?

— Да ужь очень возможно... Посмотрѣлъ бы ты на нее, какъ она въ первое время пріѣхала съ отцомъ изъ Трапезонда: узнать нельзя было бѣдняжку! Скучная, ни съ кѣмъ ни слова. Бывало, войдешь къ ней въ саклю неожиданно—сейчасъ чадру на глаза. «Что́ ты, Аксани», скажу ей, бывало, «зачѣмъ отъ меня прячешь твои свѣтленькіе глазки?»—«Такъ» говоритъ. А чего такъ: на глазахъ-то слезы. Вотъ однажды я сѣлъ у ногъ ея, взялъ ея чангуръ, ударилъ въ струны и запѣлъ о томъ, какъ прослыла Гум-Амхейская Скала «Дѣвичьею Скалою», и разсказалъ ей, какъ бросилась въ пропасть съ этой скалы бѣдная Рити, у которой жениха отняла вражеская пуля. Не выдержала Аксани: склонила головку и зарыдала.

— «Что́ съ тобою, Аксани? спросилъ я.

— «Ахъ, Галискаръ! право мнѣ кажется, и наши скалы скоро будутъ называться Дѣвичьею Скалою... Скучно мнѣ, грустно мнѣ, Галискарушку, пожалѣй твою Аксани.

— «Но отчего же тебѣ скучно? спросилъ я.

— «Не знаю. Не тосковало мое сердце такъ, когда я была въ неволѣ, какъ тоскуетъ оно теперь....

— «Э! Аксани, возразилъ я, вѣрно, на тебя долго и ласково посмотрѣлъ кто-нибудь изъ нашихъ наѣздниковъ?

— «Нѣтъ, нѣтъ, Галискарушка.

— «Ну такъ вѣрно въ Трапезондѣ?

— «О, нѣтъ! Я скажу тебѣ кто *онъ*... скажу, Галискаръ. Видишь ли: когда мы переправлялись изъ Трапезонда въ горы, на кочермѣ Измаилъ-Рустама... я встрѣтила тамъ молодаго Грека, Муврахили... Онъ матросъ, Галискаръ, но какой мужчина... Ахъ, никогда еще ни одна изъ нашихъ красавицъ не встрѣчала такихъ глазъ, такого взгляда... и какой онъ долженъ быть добрый....

— «А почему ты это знаешь? спросилъ я.

— «Да ужь такъ знаю... Это видно. Право, Галискаръ, онъ очень добрый. Когда я уходила, подаривъ ему свою лютню, онъ заплакалъ. Сказавъ это Аксани сама зарыдала.

— «Такъ вотъ о чемъ ты грустишь? замѣтилъ я.

— «Да: отвѣчала она, и всегда буду грустить о немъ.

— «Ну, всегда—еще немного времени: хорошенькій Муврахили позабудется.

— «Никогда! никогда!» вскричала она запальчиво. Въ эту минуту глаза ея разгорѣлись, какъ у тигренка. «Никода!» повторила дѣвушка: «я не могу забыть его; онъ не отходитъ отъ меня. Сорву ли я виноградную вѣтку и, когда любуюсь ею, мнѣ часто думается: вотъ эту сочную ягодку я подарила бы моему Муврахили; надѣваю ли новую щегольскую феску, подарокъ отца, мнѣ даже плакать хочется, что въ этомъ нарядѣ онъ не видитъ меня .. Часто одна... Галискаръ—съ улыбкой печальнаго сознанія добавила она — я долго и много говорю съ нимъ.

— «О чемъ же вы говорите? спросилъ я.

— «Да о чемъ!... Извѣстно о чемъ.

— «Да однако...

— «Ахъ, какой ты!... Ну спрашиваю: любитъ ли онъ меня...

— «А онъ что?

— «Люблю, говоритъ.

— «Ну и потомъ?

— «Потомъ я ему что–нибудь разсказываю...

— «Ну, а онъ?

— «Онъ слушаетъ.

— «А самъ ничего не говоритъ?

— «Нѣтъ, говоритъ иногда.

— «Что́ же онъ говоритъ.

— «Да все.

— «Какъ это все?

— Ду, напримѣръ, я его спрашиваю: цѣла ли моя лютня?

— «Что́ же онъ?

— «Цѣла говоритъ... Я на ней играю и пою про твои глаза, Аксани, про твою улыбку...»

— Послѣ того, какъ Аксани сдѣлала мнѣ такое признаніе, я постоянно бесѣдовалъ съ нею о тебѣ. Мы говорили, какъ ты хорошъ, какъ бы она была счастлива, еслибы съ тобою встрѣтилась. Наконецъ, когда она была спасена тобою въ балкѣ отъ кабана... О! этой минуты я никогда не забуду. Она прибѣжала, кинулась ко мнѣ на шею и, рыдая вскричала: «Галискарушка, бѣги— *онъ! онъ*, въ нашей балкѣ!»

— «Кто онъ? спросилъ я.

— «Муврахили... Скорѣй! скорѣй!»

— Добрая, милая Аксани! прошепталъ юноша съ истиннымъ чувствомъ признательности.

— Скажи мнѣ, Галискаръ, спросилъ Ростиньякъ послѣ краткаго молчанія:—за что́ тебя называютъ *дурачкомъ*–Галискаромъ?

— За то, что я умнѣе другихъ. Моя обязанность быть дуракомъ—очень прибыльна.

— Это почему?

— А какъ же? Я всегда съ хорошенькими женщинами, всегда другъ ихъ тайны...

— Ну и только?

— Нѣтъ.

— А какая же еще прибыль?

— Проѣзжіе купцы потѣшаются моими выходками и даютъ за это мнѣ абазы. Къ–тому же дурака не опасаются, и онъ иногда можетъ подслушать то, чего другому умнику не удастся слышать. Но... постой! Я слышу конскій топотъ.

Съ послѣднимъ словомъ горецъ прилегъ ухомъ къ землѣ.—Дѣйствительно, продолжалъ онъ:—по гулу я различаю рысистый бѣгъ двухъ или трехъ коней... Прислушайся.

Ростиньякъ повторилъ маневръ горца.

— Да, сказалъ онъ, теперь я ясно слышу даже и то, что всадники скачутъ по направленію къ рощѣ... Враги или друзья, Галискаръ? добавилъ онъ.

— Увидимъ. Притаись и взведи курокъ винтовки.

Курки легко шелкнули и два стальныя дула упали на закранну оврага.

Спустя нѣсколько минутъ, три всадника крупною рысью скакали въ рощу. Когда они поравнялись съ оврагомъ, въ которомъ скрывались наши путники, одинъ изъ наѣздниковъ предложилъ минутный отдыхъ товарищамъ.

— Келимъ! Мавруки–Оглы! вскричалъ онъ:—одну минуту... подпруга ослабла — надо подтянуть ее.

Горцы, которыхъ, по ихъ вооруженію и папахамъ, опушеннымъ бѣлою шерстью, нетрудно было признать за хищныхъ абрековъ, сдержали своихъ коней и въ то время, какъ говорившій спрыгнулъ съ сѣдла и занялся исправленіемъ подпруги, передовые товарищи начали перекидываться отрывистыми вопросами и отвѣтами.

— А вѣдь, клянусь моею хорасанскою сталью,

сказалъ одинъ изъ нихъ, что этотъ караванъ хорошенькихъ женщинъ, который проходилъ, дни два тому, по степи и между проводниками котораго ты, Маврухи-Оглы, встрѣтилъ своего пріятеля, принадлежитъ гяуру!...

— Правда, правда, Келимъ. Я даже зналъ, когда-то имя этого гяура. Теперь, признаться, забылъ...

— А не знаешь, гдѣ они дѣлаютъ отдыхъ?

— Въ первомъ ауле на Хыцкорвѣ они дѣлаютъ привалъ; это сказалъ мнѣ кунакъ Вурсанъ.

— Э... а поживиться нельзя?

— Въ ауле-то, гдѣ у этого гяура такая бездна куваковъ?... Эге, я думаю нельзя.

— А я такъ ужь и забылъ объ этомъ лакомомъ кусочкѣ:—подхватилъ третій, оно, сказать положа руку на сердце, не мѣшало бы порѣзаться, да ужь только не одному же съ пятью наѣздниками...

Если съ каждаго по мѣткому выстрѣлу, такъ не успѣешь ругнуть врага, какъ и конь и самъ ляжешь, пронизанный насквозь свинцомъ. А вотъ, вы лучше скажите, за что́ намъ не даются въ руки эти два молодца, у которыхъ такое щеголь-

ское вооруженіе и которыхъ второй день не можемъ выслѣдить?

— Однако жь теперь не уйдутъ... я вижу ихъ слѣды...

— И, какъ кажется, слѣдъ поворачиваетъ къ ущелью?

— Нѣтъ, замѣтилъ передовой всадникъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ отъ оврага:—слѣдъ направляется къ ручью...

— Да, да, ты правъ, Муврахи-Оглы. У тебя зоркій глазъ, вскричалъ третій, занося ногу въ стремя. Только что́ это? замѣтилъ онъ съ недоумѣніемъ, осмотрѣвшись кругомъ:—вѣдь путниковъ двое?

— Двое? отозвались товарищи.

— Ну, а тутъ, прошу вглядѣться — слѣды одного...

— Что́ жь мудренаго: другой прошелъ кустарникомъ.

— Увидимъ, увидимъ! Ну, такъ куда же? за ручей или къ Хыцкорвѣ?

— По слѣду, Келимъ, по слѣду!

— Ѣдемте!

Хищники брякнули звонкою уздечкою и мелкою

рысью направились къ ручью. Скоро голоса ихъ замерли въ рощѣ, изрѣдка отдаваясь только отдаленнымъ эхомъ. Путники наши не проронили ни одного слова изъ разговора абрековъ.

— Что, товарищъ, вѣдь это до насъ добираются! сказалъ Галискаръ, когда ужь не слышно было конскаго топота.

— Да. Сказать откровенно, я не желалъ бы встрѣтиться съ этими бѣлошапочниками.

— Вѣрно эти негодяи ослѣпли на-время. Не можетъ быть, чтобъ опытный глазъ не разглядѣлъ нашихъ слѣдовъ къ оврагу!

— Правда. Эти молодцы рѣшительно или пьяны, или слѣпы.

— Ну, теперь, товарищъ, не до сна, надо спѣшить за рѣку: абреки не всегда теряютъ свое чутье, и чрезъ полчаса они должны вернуться, потому-что за ручьемъ нашихъ слѣдовъ нѣтъ, да я думаю и ни чьихъ: кто пойдетъ въ эту трущобу? Переправа не будетъ трудна, вправо отъ ущелья я знаю бродъ.

— Былъ, но, можетъ быть, его нѣтъ, съ видомъ сомнѣнія сказалъ Ростиньякъ.

— Какъ же нѣтъ? разумѣется, есть.

—Я думаю, что эти потоки съ горъ, падающіе отъ растопленныхъ солнцемъ снѣговъ, могли увеличить глубину рѣки...

— А вотъ увидимъ. Скорѣе, товарищъ, винтову за плечо и въ путь; время дорого! Спасибо абрекамъ, весело добавилъ Галискаръ:—за то, что проболтались и высказали намъ, гдѣ останавливается караванъ.

— Да, да; въ первомъ аулѣ, за Хыцкорвою.

Друзья оставили оврагъ и ускореннымъ шагомъ направились къ ущелью.

Рѣка была совершенно спокойна, когда путники достигли ея крутаго берега. Послѣ утомительнаго однообразія степи, Ростиньякъ съ наслажденіемъ любовался теперь надрѣчными видами. Справа и слѣва тянулись скалы, вставая, въ отдаленіи синѣющимъ полукругомъ. Тропинки, проторенныя на нихъ, казались чернѣющими трещинами, рядомъ съ которыми ясно вырисовывался пожелтѣвшій мохъ; далѣе, скала сглаживалась, принимая форму зубчатыхъ обрывовъ, на которыхъ лежалъ дѣвственный снѣгъ, доступный только солнечному лучу а нетропутый ни погою человѣка, ни звѣря. Изрѣдка на среднемъ скатѣ этихъ скалъ появлялись или

легкій туръ, или стройная дикая коза, быстро перелетавшіе черезъ пропасти, когда надъ ними раздавался свистъ широкаго крыла карашута. За легкой зыбью Хыцкорвы открывался крутой и обрывистый ея берегъ, заросшій сплошною массою самшита; за нимъ, на предгорьяхъ, чернѣлись сакли раскиданныхъ ауловъ...

Между-тѣмъ, какъ Галискаръ съ большимъ вниманіемъ осматривалъ берегъ, стараясь найдти знакомый предметъ, по которому могъ бы узнать мѣсто брода, Ростиньякъ спустился къ рѣкѣ. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ внизъ по обрыву, какъ неожиданно наткнулся на ветхую лодку, вытащенную на отмель. Несмотря на ея пробоины и бѣлую плѣсень, покрывавшую бортъ и дно, что доказывало давнюю ея негодность къ употребленію, молодой человѣкъ не могъ не вскрикнуть отъ радости:

— Галискаръ! сюда! Есть переправа!

Горецъ, который, не находя брода, терялъ ужь надежду быть за рѣкою, въ свою очередь, не могъ не отвѣтить восторгомъ на восторгъ Ростиньяка.

— Не всегда и такъ кстати встрѣчается удача,

сказалъ онъ, осматривая выдолбленный каикъ, сдѣланный изъ одного куска самшита. Ну, Ростиньякъ, ободрись, продолжалъ онъ:—вѣрно насъ ждетъ въ аулѣ удача. Принимайся за работу. Вопервыхъ, я постараюсь заткнуть щели, а ты, между-тѣмъ, вырѣжешь кинжаломъ дранку отъ борта, которая намъ замѣнитъ весло.

Съ этими словами горецъ, выдравъ подкладку изъ своей кабардинки и черкески, съ искусствомъ знатока и мастера принялся за дѣло.

Работа шла быстро. Весло было готово; на долю Галискара труда оставалось ужь немного, какъ въ эту минуту громко раздавшійся въ ущельи конскій топотъ заставилъ нашихъ путниковъ схватиться за винтовки и спустить каикъ на воду.

— Скорѣе! все готово. Оттолкнись, Ростиньякъ: хищники, абреки...

— Они! они, Галискаръ! вскричалъ молодой человѣкъ, указывая на трехъ наѣздниковъ, быстро достигавшихъ берега.

— Проклятые! обнюхали, проворчалъ горецъ, выправляя оружіе свое.—Живѣе... вотъ такъ, товарищъ!... Ага, пошла. Ну, кажется, мы уй-

демъ, Эге!.. смотри берегись, хищники изъ чахла вынимаютъ винтовки.

— Сдавайтесь! Будемъ стрѣлять по васъ, раздалось съ берега.

— Работай, Ростиньякъ, сильнѣе, а я междутѣмъ займусь разговорами съ этими пріятелями.

— Что́ вы говорите, честные джигиты? крикнулъ онъ.

—Сдайся? повторилъ передовой абрекъ.

— Что́? Говори громче!

—Сдайся... Будемъ стрѣлять...

—Что́? Не слышу!.. Стрѣлять? А! Работай Ростиньякъ, такъ, такъ! Только уйдти отъ выстрѣла, а тамъ я и самъ пошлю имъ гостинецъ; моя бьетъ далеко и мѣтко.

Но Галискаръ не успѣлъ еще кончить послѣднихъ словъ, какъ двѣ пули свиснули надъ его головою и пронизали кабардинку.

— Проклятые! вскричалъ Галискаръ въ то время, какъ два выстрѣлившіе абрека повернули коней, чтобъ снова зарядить винтовки. —Я вѣрнѣе васъ на прицѣлъ! крикнулъ онъ и пуля его ссадила третьяго съ коня.—Вотъ такъ, голубчики!

сказалъ онъ въ въ то время, какъ крикъ угрозъ и ярости раздался на берегу.

— Теперь, живо ложись Ростиньякъ на дно лодки, эти разбойники ложатся за камни съ намѣреніемъ насъ обстрѣливать... Наше положеніе незавидно!

Въ-самомъ-дѣлѣ одинъ изъ пребрежныхъ камней одѣялся дымомъи лодка дрогнула, пробитая въ бортъ.

— Мѣтки, разбойники! Лежи, не шевелись, Ростиньякъ, сказалъ Галискаръ.

— Мы погибли, товарищъ, отозвался молодой человѣкъ:—я замѣчаю, что насъ несетъ обратно.

— Эге! Постой, попробую подняться. Но едва только кабардинка Галискара обрисовалась надъ бортомъ лодки, какъ выстрѣлъ повторился.

— Вотъ это ужь изъ рукъ вонъ, какъ нехорошо! съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ замѣтилъ Галискаръ. Клянусь крашеными ноготками мотй прабубушки, что эти негодяи затѣваютъ какую-нибудь хитрую шутку.

— Просто они ждутъ, когда насъ прибьетъ къ берегу.

Ну, нѣтъ, на это они несовсѣмъ могутъ разсчитывать. Вѣрнѣе, что насъ несетъ по тече-

нію. Вотъ и теперь—замѣчай по берегамъ—мы почти держимся средины.

— Однакожь, все ближе къ врагамъ.

— Постой, Ростиньякъ, надо быть осторожнымъ. Я знаю этихъ молодцовъ, они изобрѣтательны. Вотъ что́ надо сдѣлать: просверлить кинжаломъ въ бортѣ отверстіе и наблюдать враговъ.

Не теряя ни минуты, Галискаръ исполнилъ свое намѣреніе.

— Вотъ, видишь ли ты, сколько теперь у насъ новостей, сказалъ онъ.—Во-первыхъ, моя догадка сбылась...

— Что́ же такое?

— Одинъ изъ абрековъ бросился съ концемъ вплавь. Разсчетъ вѣренъ: молодецъ, зная, что мы не смѣемъ поднять головы, думаетъ притянуть нашу лодку къ берегу—умно!

— Такъ не ссадить ли его, Галискаръ?

— Погоди, пусть его поджигитуетъ; выждемъ, когда онъ будетъ поближе. Вторая новость: на скалахъ я вижу еще двухъ горцевъ; они идутъ, если не ошибаюсь, на помощь къ абрекамъ, и одинъ изъ нихъ... Ну право, съ изумленіемъ сказалъ Галискаръ: — если бы не самъ я

видѣлъ, какъ онъ слетѣлъ въ гунзархгаскую пропасть, изъ которой еще не вылѣзалъ никто, я принялъ бы его за твоего друга, Тома.

— Возможно ли?

— Взгляни самъ.

Ростиньякъ заглянулъ въ отверстіе.

— Удивительно! сказалъ онъ:—Томъ, совершенный Томъ: его ростъ, его манера. Лица разглядѣть нельзя только...

— Да и зачѣмъ?.. Тому ужь не гулять больше въ нашихъ скалахъ! Ты, я думаю, вѣришь этому?

— Нельзя не вѣрить, грустно замѣтилъ Ростиньякъ:—я самъ видѣлъ его паденіе, самъ слышалъ, какъ оторванныя съ мѣста глыбы земли упали на его размозженное тѣло...

— Ну, что ты еще видишь, Ростиньякъ? нетерпѣливо спросилъ Галискаръ.

—Путники остановились и наблюдаютъ абрековъ. Я теперь могу почти разглядѣть лица этихъ двухъ незнакомцевъ.

Какая намъ до того надобность! Что́ еще? Наблюдай молодца, который плыветъ къ намъ.

— Еще скажу тебѣ, что врагомъ однимъ стало больше...

— Да что же это, съ досадою вскричалъ Галискаръ:—изъ земли они растутъ, или нѣтъ?

— Этотъ врагъ—раненный тобою абрекъ; онъ поднялся... заряжаетъ винтовку...

— Плохо... очень нехорошо... Ну, а тотъ, который ѣдетъ за нашей пулей?..

Пора бить его: онъ на пистолетный выстрѣлъ...

— Эге! А другіе?

— Вышли изъ-за камней...

— Что́ они?

— О чемъ-то говорятъ... замѣтили двухъ горцевъ, которые идутъ къ нимъ...

— Славно! Пользуйся минутой. Поднимемся вмѣстѣ: я бью плывущаго ты, стрѣляй въ берегъ...

Курки щелкнули. Галискаръ и Ростиньякъ поднялись. Не прошло и мгновенія, какъ плывшій горецъ, прострѣленный въ плечо, вздрогнулъ на сѣдлѣ и тихо скатился въ воду. Выстрѣлъ Ростиньяка былъ безъ удачи. Но въ то же время, едва только обрисовалась его фигура въ лодкѣ,

какъ два путника бросились на абрековъ. Между горцами, на берегу, завязалась рукопашная схватка.

— Спасибо имъ, сказалъ Галискаръ:—это вѣрно кровомстители!.. Пусть ихъ дерутся, а намъ время дорого. За весло, Ростиньякъ.

Счастливо отдѣлавшись отъ враговъ, Галискаръ и его товарищъ скоро достигли противоположнаго берега. Когда они съ трудомъ поднялись на его крутизны и оглянулись, съ намѣреніемъ узнать результатъ начавшейся на берегу схватки, онъ ужь былъ пустъ и нѣмъ, какъ за два часа до того.

—

ГЛАВА IV.

ПЕЧАЛЬНАЯ НОВОСТЬ.

За Хыцкорвою раскиданныя по скаламъ сакли абхазскихъ горцевъ начинаютъ попадаться на глаза ужь на вторыхъ предгорьяхъ. Это чрезвычайно бѣдныя селенія, состоящія изъ трехъ и небольше какъ четырехъ жилищъ, ветхихъ, сквозныхъ, какъ рѣшета, до отвращенія грязныхъ и обнесенныхъ иногда мазанковою околицею, иногда просто грудою камней. Вообще видъ нагорнаго абхазскаго селенія наводитъ какую-то грусть. Невольно удивляешься, какъ люди могутъ жить такими микроскопическими обществами въ этихъ страшныхъ

трущобахъ, въ вѣчномъ мракѣ лѣса! Ночь еще болѣе увеличиваетъ грустную картину абхазскаго аула. Черныя сакли, едва-ли не герметически закупоренныя, въ которыхъ нѣтъ и признака свѣта, кажутся какими-то курганами; цѣлое селеніе походитъ болѣе на кладбище, чѣмъ на пріютъ живыхъ. Вой собакъ, да иногда, въ немирное время, рѣзкій вскрикъ сторожеваго горца нарушаютъ молчаніе аула.

Грустно и страшно одинокому путнику проходить въ это время нагорной тропинкой. Напуганный слухъ его каждое мгновеніе тревожно прислушивается къ завыванью шакалки, къ звону кремня, который, оттолкнутый его ногою, урча, прыгаетъ по косогору, или къ говору обнаженной сосны.

Точно такую ночь встрѣтили Галискаръ и Ростиньякъ, переправясь за рѣку.

Нетерпѣніе послѣдняго съ которымъ онъ спѣшилъ узнать что-нибудь объ участи Аксани, было такъ велико, что, не обращая вниманія на свою усталость и изнеможеніе, онъ упросилъ товарища отложить отдыхъ до прихода въ аулъ и пуститься въ дорогу.

Лѣсъ и рѣка скоро исчезли за нашими путниками. Они вышли из предгорья.

— Вотъ и аулъ! весело сказалъ Ростиньякъ: слышишъ, Галискаръ, лай собакъ? добавилъ онъ.

— Слышу и даже вижу сакли, которыя твоему глазу трудно отличить отъ глыбы кремней. Но еще путь нашъ не конченъ...

— Еще препятствіе? съ нетерпѣніемъ спросилъ молодой человѣкъ.

— Ну препятствій, Аллахъ помиловалъ, пока еще нѣтъ; только я думаю, что намъ надо отправиться подальше.

— Это для чего, когда аулъ у насъ передъ глазами?

— Въ этомъ аулѣ, душа моя, всего только три сакли, и здѣсь толпа похитителей не могла ни остановиться, ни размѣстить свою добычу.

— Ты правъ, Галискаръ, идемъ дальше.

Сдѣлавъ еще версты двѣ, путники были обрадованы мелькнувшимъ вдали огнемъ, который, вѣроятно, пылалъ на очагѣ какого-нибудь зажиточнаго Абадзеха. Чрезъ минуту огни начали увеличиваться, и скоро друзья дошли до порядочно-населеннаго аула.

— Вотъ здѣсь мы, вѣрно, узнаемъ что-нибудь объ Аксани, сказалъ Галискаръ, отмахиваясь отъ стаи собакъ, которыя громкимъ и неистовымъ лаемъ встрѣтили гостей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наши пріятели остановились тутъ.

— Куда же мы пойдемъ теперь? спросилъ Ростиньякъ.

— А въ первую встрѣчную саклю. Абхазскій горецъ всегда рядъ принять и угостить странника. Смотри, Ростиньякъ, будь остороженъ на слово и не проговорись. Предоставь ужь мнѣ толковать съ хозяиномъ.

Съ этими словами Галискаръ постучался въ двери крайней сакли.

— Храбрый джигитъ, сказалъ онъ: счастіе и благополучіе твоему дому. Бѣдные странники просятъ твоего гостепріимства. За дверьми раздался громкій кашель и на порогѣ показалась сѣдая борода стараго горца.

— Войдите, кунаки, ласково сказалъ онъ:—Агури-Мыгда всегда умѣлъ дѣлить свой чурекъ и войлокъ съ странникомъ, хотя бы онъ былъ кровный врагъ его.

Картина полудикой, бѣдной жизни встрѣтила

нашихъ путниковъ при первомъ шагѣ за гостепріимный порогъ горца. Небольшая сакля, съ потрескавшимися стѣнами, въ которыя врывался вѣтеръ, освѣщалась двумя сучками самшита, пылавшими на полуразрушенномъ очагѣ. На земляномъ полу было брошено сѣдло и пара войлоковъ; по стѣнамъ шли грязныя лавки. У крошечнаго окна, задвинутаго рѣшеткой, сплетенною изъ лыка, висѣла винтовка, на другой сторонѣ—шашка и пистолетъ; тутъ-же, на воткнутомъ въ перекладину кинжалѣ, торчала баранья нога. Старая горянка, полулежа на войлокѣ, расчесывала всклоченные волосы оборваннаго мальчика, который спокойно дремалъ на колѣняхъ матери.

При входѣ Галискара и Ростиньяка мальчикъ, не перемѣняя своего удобнаго положенія, открылъ глаза и взялъ старуху за руку.

— Ёана (мать), сказалъ онъ:—кунаки пришли.

— Вижу, родной мой, вижу, отозвалась старуха.

— Давай баранины..

— А вотъ что̀ отецъ скажетъ.

— Молодецъ Бачъ! молодецъ! подхватилъ старикъ: — именно такъ, продолжалъ онъ: — гости

съ дороги—нуженъ сытый кусокъ баранины на голодный зубъ. Ну, поворачивайся Циркени... живо!

Старуха принялась за стряпню, а маленькій Бачъ подсѣлъ къ гостямъ, съ непремѣннымъ намѣреніемъ до-сыта налюбоваться богатымъ вооруженіемъ странниковъ.

— Откуда и куда, кунаки? спросилъ горецъ, обращаясь къ своимъ гостямъ.

— Изъ Сухума, держимъ путь на Эндри, отвѣчалъ Галискаръ.

— А вѣрно купцы?.. Вѣрно за красавицами?

— Нѣтъ; мы занимаемся ремесломъ проводниковъ и идемъ искать тамъ работы... да вотъ сбились на вашихъ тропинкахъ съ дороги и растеряли коней.

Эге! въ нашихъ горахъ недолго попасть въ бѣду, зазѣвайся только. А жаль, продолжалъ старикъ: — что вы не пришли къ намъ дни два тому назадъ—была бы вамъ работа.

— Какая? спросилъ Галискаръ.

— Да ужь работа, нечего сказать, отличная: и въ Эндри бы добрались не безъ денегъ. Видите ли: къ намъ на-дняхъ пріѣхалъ нашъ старый кунакъ, гяуръ, купецъ, ну, и привезъ съ собою

такую пропасть хорошенькихъ женщинъ, что посмотрѣть на нихъ, такъ и у стараго джигита глаза разбѣгутся; съ ними еще и Еврея изъ Хунзах-Гара, Гацалъ-Шеуды; онъ вѣрно человѣкъ нужный. Женщинъ-то всѣхъ гяуръ послалъ на рынки Эндери, а его крѣпко держатъ.

— Какъ, всѣхъ въ Эндери! вскричалъ Ростиньякъ, измѣняя своему хладнокровію.

— Всѣхъ. А что́ же тебя удивляетъ?

— Да неужели всѣхъ до одной?

— Рѣшительно всѣхъ. А у тебя, кунакъ, между красавицами вѣрно есть кровныя? съ лукавою улыбкою замѣтилъ старый горецъ.

— О, нѣтъ! отозвался Ростиньякъ, приходя въ себя:—я потому только...

— Видишь ли, кунакъ, поспѣшилъ перебить Галискаръ:—товарищъ мой потому такъ удивленъ твоимъ отвѣтомъ, что напередъ ужь видитъ, сколько мѣшковъ золота возьметъ гяуръ, если продастъ *всѣхъ* красавицъ; къ-тому же онъ знаетъ, что между ними есть и такія, которыя прямо будутъ куплены въ харемъ какого-нибудь мурзы или паши.

— А почему онъ это знаетъ? подозрительно спросилъ горецъ.

— Пхе! Почему! Да вѣдь Гацалъ-Шеуды содержалъ придорожный духанъ...

— Ну, знаю.

— Такъ что мудренаго, если моему товарищу, какъ проводнику, не разъ случалось побывать въ гостяхъ у Еврея? Да вотъ и я, очень недавно останавливался тамъ съ караванами своими, и глазами полюбовался сокровищемъ Гацалъ-Шеуды, у котораго одна дочь стóитъ двадцати золотыхъ мѣшковъ...

— Дочь! въ раздумьи отозвался горецъ... Такъ, такъ! это вѣрно она одна только и плакала, какъ ихъ увозили отсюда...

— Ну, вѣрно. Другимъ все-равно, гдѣ ни быть, гдѣ ни жить.

— Дѣйствительно дѣвчопка хоть куда; другія предъ нею, вотъ все-равно, что мы съ тобою передъ этимъ красавчикомъ. Горецъ указалъ на Ростиньяка:—а ужь какъ одѣта! шелкъ да золото, добавилъ онъ.

— Она, непремѣнно она! съ отчаяніемъ прошепталъ молодой человѣкъ.

— Такъ, такъ! Нѣтъ никакого сомнѣнія! равнодушно подсказалъ Галискаръ.—Экая досада, до-

бавилъ онъ: — не подоспѣли во-время! Была бы работа, какъ говоришь ты... вѣдь караванъ-то большой.

— У! десять арбъ, а проводниковъ всего семь человѣкъ—ну гдѣ имъ управиться съ женщинами? притомъ же и переходъ неблизокъ; они пустились арбенными дорогами на Уллу-кулъ и потомъ будутъ держаться берегомъ Баксана. Однако, купаки, продолжалъ горецъ, баранина наша готова. Прошу...

Онъ разостлалъ на полу свою бурку, на ней поставилъ три деревянные кружка, довольно-грубо выточенные, и молча указалъ гостямъ своимъ на готовую трапезу.

Черезъ нѣсколько минутъ въ саклѣ водворилась тишина; огонь на очагѣ ея потухъ. Гости и хозяинъ спали.

Томимый тоской и грустною думой за судьбу Аксани, Ростиньякъ не могъ уснуть. Нѣсколько разъ онъ готовъ былъ подняться съ своего войлока съ тѣмъ, чтобъ оставить саклю и бѣжать по слѣдамъ каравана. Наконецъ сѣренькій свѣтъ блеснулъ въ рѣшетчатомъ окнѣ мазанки. Желая

выбраться изъ аула никѣмъ незамѣченный, Ростиньякъ разбудилъ Галискара.

— Что ты, товарищъ? спросилъ горецъ:—вѣрно не спится?

— Нѣтъ, Галискаръ, мнѣ душно здѣсь, сердце мое изныло. Скорѣе въ дорогу... хотя посовѣтуемся, что намъ дѣлать...

— Что предпринять, я ужь обдумалъ. Отправиться же въ дорогу до полнаго разсвѣта намъ необходимо: пожалуй, еще увидитъ насъ изъ своей мазанки Гацалъ-Шеуды, расплачется—и мы пропали. Ну, собирайся.

Простясь съ хозяиномъ, путники наши снова пустились въ дорогу.

Еще утренній туманъ клубился надъ горами и балками, когда Галискаръ и Ростиньякъ достигли отлогихъ возвышенностей Бече, по которымъ тянулась арбенная дорога; надъ нею, выше, направо и налѣво разбѣгались тропинки, удобныя только для пѣшехода и вьючнаго коня.

— Вотъ еще свѣжіе слѣды отъ арбъ, сказалъ Галискаръ, указывая на дорогу, которая, спускаясь по отлогостямъ и, опоясавъ полудугой скалы Бече,

тянулась въ ущелье. Теперь она у насъ останется вправо.

— Какъ, вправо? вскричалъ Ростиньякъ:—Развѣ мы не пустимся по ней?

— Если мы это сдѣлаемъ, то сдѣлаемъ большую ошибку: тогда мы рѣшительно не догонимъ каравана. Замѣть себѣ, что онъ выигрываетъ передъ нами три дня впередъ; а это не шутка! Намъ надо пуститься вотъ этими тропинками, тогда легко можемъ не только достичь пріятелей, да, пожалуй, и опередить ихъ. Но сдѣлаемъ небольшой роздыхъ и потолкуемъ.

У корня громадной сосны друзья раскинули свои бурки и расположились на отдыхъ.

— Какъ видно, началъ Галискаръ:—этотъ гяуръ, большой кунакъ съ хыцкорвскими горцами, иначе они бы не позволили ему вырвать у себя добычу. Не удивляюсь тому, что онъ отправилъ всѣхъ женщинъ въ Эндери и даже не удостоилъ влюбиться въ Аксани—это доказываетъ только его жадность; а удивляюсь, къ-чему ему нашъ бѣдный Гацалъ-Шеуды?..

— Вѣрно, они старые враги?

— Не думаю: объ этомъ мнѣ никогда не проговаривался Еврей.

— Но о немъ, Галискаръ, послѣ. Скажи, утѣшь ты меня...

— А, вѣрно Аксани!

— Да; объясни мнѣ твои намѣренія, скажи: на что ты рѣшился для ея спасенія.

— Изволь, кунакъ. Ты знаешь, началъ Галискаръ:—кто падаетъ въ пропасть, тотъ часто хватается за высохшую вѣтку можжевельника. Наше положеніе не лучше того, кто оступился въ джеханнемъ, и потому мы должны рѣшиться на все, что хотя сколько-нибудь намекаетъ на успѣхъ...

— О! на все, Галискаръ, на все; я готовъ научи только.

— Планъ мой, продолжалъ горецъ:—вотъ каковъ. Выкупить Аксани мы не можемъ, еслибы за нее спросили даже хоть одинъ чаури...

— Правда, грустно отозвался Ростиньякъ:—у насъ и того нѣтъ.

— Ну, такъ намъ остается или украсть ее, или взять съ кинжала. И вотъ какъ: когда мы настигнемъ караванъ, я назовусь странствующимъ поливаномъ и Гіе-ю-ко, а ты будешь мой товарищъ-

пѣвецъ, но на этотъ разъ съ больнымъ горломъ и потерявшій свой чангуръ. Когда ты увидишь, что горцы заслушаются моихъ разсказовъ, тогда можемъ пробраться до Аксани и, если случай позволитъ, утѣшить ее, то-есть, сказать, что въ Эндери мы ее выручимъ. У меня тамъ есть человѣкъ семь молодцовъ, изъ проводниковъ, которые для Галискара готовы на все; они мои старые купаки, и кунаки, которымъ я оказалъ не одну услугу. Между-прочимъ, товарищъ, мы еще и при первой встрѣчѣ съ горцами, провожающими караванъ, рыскнемъ наудачу подпоить ихъ ромомъ, который кипитъ въ нашихъ фляжкахъ и до котораго, какъ видно, мы небольшіе охотники, и если удастся, тогда Аксани наша. Нѣтъ, пойдемъ въ Эндери. Больше и лучше этихъ средствъ, скажу по совѣсти, у меня нѣтъ въ запасѣ.

Ростиньякъ не отвѣчалъ. Онъ тяжело вздохнулъ и устремилъ взглядъ, полный тоски, на арбенную дорогу.

—

ГЛАВА V.

ПЛѢННИЦЫ И КЛАДЪ.

Не въ дальнемъ разстояніи, на востокъ, отъ возвышенностей Уллу-Кула и Уллу-Кая, между первыми и вторыми, ровной конической глыбой камня и извести, встаетъ гора Ламаръ. Чрезъ нея пролегаетъ арбенная дорога и идетъ къ возвышенностямъ Дунгусъ-Зары; другая дорога, почти у подошвы послѣдней возвышенности, перерѣзываетъ первую и поднимается на скалы къ сѣверу, идя къ берегамъ Баксана. Въ этомъ-то углу, образовавшемся отъ пересѣченія дорогъ, путникъ и караваны всегда найдутъ удобный пріютъ, какой

весьма трудно встрѣтить въ окрестностяхъ Эльборуса, полныхъ болотъ, топей и непроходимыхъ лѣсовъ, въ которыхъ на корнѣ гніютъ вѣковыя деревья. Этотъ клочокъ земли, занявшій необозримый оврагъ между горъ, защищающихъ его отъ вредныхъ испареній болотъ и вѣтровъ, представляетъ въ голыхъ скалахъ оазисъ, полный растительности и прекраснаго здороваго воздуха. На немъ, у подошвы скалъ, раскидывается дикій виноградникъ, ниже его, выбѣгая на дорогу, мелкими рощами разстилаются купы вишень и дикихъ яблонь. Справа, далеко, на возвышенностяхъ открываются аулы и передъ ними поля, засѣянныя кукурузой; налѣво зеленѣютъ тополевыя и сосновыя рощи, обѣщающія удобный пріютъ.

Въ этой-то живописной долинѣ, съ разсвѣтомъ ноябрскаго утра, теплаго и яснаго, остановился караванъ, состоявшій изъ одиннадцати арбъ, крытыхъ высокими плетеными изъ камыша кузовами, чрезвычайно похожими на курятникъ. Семь горцевъ и пять собакъ, проводники каравана, по обыкновенію, избѣгая неожиданной встрѣчи съ хищниками, расположили арбы полукругомъ, и въ срединѣ площадки, образовавшейся отъ импровизованной постройки этого редута, развели огни. Тотчасъ надъ сухимъ запылавшимъ виноградным хворостомъ подвысились походные котелки, и двое изъ проводниковъ занялись стряпней, другіе двое заняли мѣсто сторожевыхъ, остальные, разбатовавъ коней, пустили ихъ на траву и отправились къ арбамъ. Чрезъ нѣсколько минутъ площадка, занятая караваномъ, наполнилась красивыми и молоденькими горянками. Пестрыя групы ихъ представляли изумительную и очаровательную смѣсь роскошныхъ и разнохарактерныхъ горскихъ нарядовъ, лицъ свѣжихъ, юныхъ; смѣсь нарѣчій кабардинскаго, абхазскаго, абазинскаго и адигскаго. Въ минуту зазвучали лютни, раздались хохотъ и громкій говоръ. Взгляпувъ на эту веселую и безпечную толпу дѣвушекъ, трудно было вѣрить, чтобъ онѣ были жертвою разсчета, отвратительнаго промысла и торговли. Каждая изъ нихъ была обречена продажѣ; каждая изъ нихъ была промѣнена, или отцомъ, или братомъ, за какой-нибудь вытертый піастръ, или щегольскую винтовку. Жалкія вскормленницы горъ, голодныя въ своей родной саклѣ, онѣ забывали и прекрасное небо родины, и ея дивную природу, и страстный взглядъ молодаго однораульца, радуясь своему

будущему, которое обѣщало имъ золотую клѣтку, роскошные ковры Персіи, крупный жемчугъ Цейлона и сладкія, душистыя пряности Стамбула.

Въ одной изъ этихъ групъ, расположившейся на коврахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пылавшаго виноградника, не было замѣтно ни той веселости, ни того громкаго говора, которымъ занялись другія плѣнницы. Эту групу горянокъ составляли шесть дѣвушекъ привлекательной красоты; по языку и костюму ихъ, можно было догадаться, что родина ихъ Абхазія. Исходите весь Кавказъ, отъ Анапы до Сальяна и отъ Кизляра до Кутаиса, ни въ одномъ горскомъ племени вы не встрѣтите такой дивной красоты въ женщинахъ, какъ въ женщинахъ нагорной Абхазіи. Бѣлизна и правильность лица, въ которомъ просвѣчивается бѣздна жизни и энергіи; темнорусый волосъ, въ мелкихъ косахъ упавшій по плечамъ; высокій ростъ и стройный станъ, перетянутый завѣтнымъ колетомъ, ножка, затянутая въ сафьянъ и крошечная; прибавьте къ тому взглядъ, полный обаятельной ласки, и ручку, на которой мизинецъ едва-ли не тоньше вермишели—и вы получите еще несовсѣмъ вѣрное понятіе о красотѣ абхазскихъ жен-

щинъ. Такіе-то первообразы этихъ красавицъ составляли ту небольшую групу, на которую я указалъ моему читателю.

Тихій разговоръ ихъ, повидимому, былъ очень серьёзенъ. Онѣ каждое мгновеніе озирались кругомъ, очевидно, боясь приближенія своихъ проводниковъ.

— Это хорошо, очень хорошо Аксани! сказала одна изъ нихъ.—Да, душечка, жертвочка ты моя, что́ мы можемъ сдѣлать, когда насъ только шесть?...

— Мы можемъ уговорить еще и другихъ, отозвалась Аксани, хорошенькое личико которой много измѣнилось съ-тѣхъ-поръ, какъ ее разлучили съ отцомъ и Ростиньякомъ.

— Другихъ! подхватила третья собесѣдница.

— Не этихъ ли презрѣнныхъ шапсужанокъ, которыя проданы за черствый чурекъ; онѣ сами не вернутся въ свои голодные аулы. Посмотри, какъ имъ весело въ неволѣ.

— Онѣ сыты! насмѣшливо замѣтила первая.

— Ну да; потому-то и поютъ, поддакнула первая.

— Ужь поютъ!... Имъ ли пѣть?

— Нашъ Галискаръ пѣвалъ лучше.

— Только струны рвутъ на чангурѣ.

— Воютъ какъ шакалки.

— Да и шакалки-то голодныя!

— Правда! правда!

— Но, слушайте, снова начала Аксани:—развѣ мы не можемъ одни рѣшиться на это дѣло?

— А! ай! Аксани! раздалось въ толпѣ дѣвушекъ.

— Какъ можно!

— Что́ ты?

— Ты обезумѣла.

— Ты хочешь, чтобъ насъ перевѣшали?

— Чтобъ насъ въ мѣшокъ и въ воду?

— Ужасъ‘ что́ сдѣлаютъ!...

— Тс! остановитесь! сказала Аксани и взглядъ ее выразилъ принужденн оепрезрѣніе.—Вижу, что вы дочери не храбрыхъ, не славныхъ джигитовъ.

— Аксани, не обижай моего отца! вскричала одна изъ дѣвушекъ:—онъ въ моихъ глазахъ палъ на завалѣ, прострѣленный въ сердце врагомъ шапсугомъ.

— Аксани, Аксани! зачѣмъ слово вражды и ссоры? крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Душечки мои, родныя мои! я не вызываю васъ на вражду, сказала Аксани:—но мнѣ грустно за васъ. Скажите, что̀ мы теряемъ, когда эти презрѣнные *лэги* * зарѣжутъ насъ?—жизнь, которая обречена позору и неволи—только! Но такая жизнь хуже петли и удара кинжаломъ въ сердце; тогда-какъ, рѣшившись на эту попытку, мы снова свободны и снова въ родной саклѣ. Ты, Чиркени опять увидѣла бы своего хорошенькаго жениха; ты, Уллусъ, снова обняла бы своего стараго отца... ты, Мурвани, какъ и прежде, въ своемъ аулѣ увидѣла бы около себя толпу красивыхъ наѣздниковъ, которые, за счастіе прикоснуться къ твоей чадурѣ, готовы были бы отдать и душу, и сердце, и голову! Теперь мы всѣ лишены того прекраснаго дня, когда отецъ или братъ могли бы сказать намъ: «встрѣть завтра ласкою и почетомъ твоего жениха, сегодня онъ прислалъ калымъ за тебя.»

— Правда! правда! печально повторили дѣвушки.

— А что̀, Аксани, наивно спросила Чиркени:—говорятъ, очень весело быть замужемъ?... а? хорошо?

* Рабъ-змѣя.

— Говорятъ, жертвочка моя, Чиркени! грустно и съ глубокимъ вздохомъ отвѣтила Аксани.

— А кто тебѣ говорилъ?

— Галискаръ...

— Ай! ай!.. Вотъ вы о чемъ иногда съ нимъ говорили!

— Ну, а что же онъ говорилъ? Душечка Аксани, глазки мои, скажи.

— Говорилъ, что хорошо.

— Ну и ничего больше?

— Больше. Говорилъ, что очень хорошо.

— Постойте! постойте! вскричала Мурвани.

— Я хочу быть замужемъ, я на все согласна, Аксани!

— И я! и я! и я согласна! подхватили другія дѣвушки.

— Научи насъ, что дѣлать? сказала Чиркени.

— Что дѣлать? Послѣ этого вопроса Аксани со страхомъ осмотрѣлась кругомъ и, понизивъ голосъ, продолжала:—на первомъ отдыхѣ, сказала она: —даже, если можно, сейчасъ каждая изъ насъ подойдетъ къ одному проводнику, показывая, что хочетъ приласкать его...

— Ну... ну!

Слушайте... слушайте! Когда проводникъ разнѣжится, тогда, по знаку, вырвать у него съ пояса кинжалъ и...

— Ай, ай, Аксани! Что ты! что ты!

— Что?... вы не рѣшаетесь!

— Ахъ, нѣтъ! это ужь очень страшно. Я боюсь! сказала Чиркени.

И я! и я! и я! крикнули остальныя.

Въ эту минуту громкій лай собакъ, раздавшійся за арбами, нарушилъ жаркую бесѣду плѣнницъ.

— Это онъ! прошептала Аксани, дѣлая быстрое движеніе впередъ.

— А, Галискаръ! Галискаръ! крикнули дѣвушки и имя это повторилось на всемъ протяженіи площадки, во всѣхъ групахъ. Въ минуту красавицы оставили свои мѣста и бросились къ арбамъ.

Проводники, не понимая восторга своихъ плѣнницъ, схватились за винтовки, намѣреваясь пулей встрѣтить незваныхъ гостей.

То же самое повторили и Галискаръ и Ростиньякъ, подошедшіе въ это время къ бивуаку каравана.

— Что надо? вскричалъ одинъ изъ проводниковъ, взявъ на прицѣлъ винтовку.

— Поберегись, кунакъ, отозвался Галискаръ: —за мною стоитъ товарищъ, который такъ мѣтко бьетъ, какъ, можетъ, тебѣ и не случалось.

— Это хищники! раздалось въ толпѣ горцевъ. Стрѣляй въ нихъ!

— Сумасшедшіе! вскричалъ Галискаръ:—да вы спросите женщинъ: хищники-ли мы или честные джигиты?

— Это нашъ Галискаръ! не троньте его! Пустите къ намъ! крикнули женщины.

— Ну, видишь ли, пріятель, что я такой же хищникъ, какъ ты разумный человѣкъ!

Эге, голубчикъ! да ты видно выходецъ изъ аула Гацалъ-Шеуды! сказалъ старшина проводниковъ.

— Узнаешь, все узнаешь, кунакъ, только пусти насъ за арбы! отозвался Галискаръ.

— Пожалуй. Но прежде отдайте намъ свои винтовки.

— И это можно. Изволь! Ростиньякъ, дай этому кабану полюбоваться твоею винтовкою.

Когда оружіе было отобрано отъ нашихъ странниковъ, горцы, уже не опасаясь непріязненныхъ

дѣйствій со стороны незнакомцевъ, впустили ихъ на площадку.

Едва только Галискаръ и Ростиньякъ показались на ней, какъ женщины съ крикомъ радости обступили перваго.

— Постойте! постойте, мои красавицы, сказалъ горецъ:—прежде чѣмъ вы налюбуетесь мною, а я вами, мнѣ необходимо куначество съ этими честными джигитами. Галискаръ указалъ на проводниковъ и, раздвинувъ толпу женщинъ, подошелъ къ старшинѣ.

— Я Галискаръ, родомъ изъ Гумбета, сказалъ онъ:—ремесло мое странствующій погливанъ. Если ты хочешь знать, почему ко мнѣ такъ ласковы эти хорошенькія шалуньи, то изволь, и это сказать можно. Я долго жилъ въ аулѣ Гацалъ-Шеуды и забавлялъ твоихъ плѣнницъ разсказами, пѣснями и плясками. Наканунѣ того дня, въ которой вы удостоили посѣтить аулъ Еврея, я распростился съ нимъ, и вотъ, странствуя теперь, нечаянно набрелъ на васъ. Такъ-то, кунакъ, я погливанъ, а вотъ этотъ джигитъ — пѣвецъ, къ вашимъ услугамъ; только ужъ извините, онъ теперь потерялъ и чангуръ и голосъ.

Рѣчь Галискара разсмѣшила горцевъ и расположила ихъ въ его пользу, а болтовня погливана, его разсказы и, главное, ромъ скоро заставили проводниковъ исключительно заняться только Галискаромъ.

Пользуясь этимъ случаемъ, Ростиньякъ успѣлъ встрѣтиться съ Аксани и перемолвить съ нею нѣсколько словъ.

— Муврахили, сказала дѣвушка:—Самъ Богъ посылаетъ тебя утѣшить мою грусть, мое горе...

— Ахъ, Аксани, я страдаю не меньше тебя и, можетъ-быть, эти страданія кончатся съ нашею жизнью.., кто знаетъ, что́ ждетъ насъ впереди?

Дѣвушка съ испугомъ взглянула на молодаго человѣка.

— Какъ, развѣ не спасти меня пришелъ ты? сказала она.

— Нѣтъ, Аксани, теперь нѣтъ. Похитить тебя мы не можемъ: проводники осторожны; отнять силою — что́ сдѣлаютъ два невооруженные человѣка противъ семи отчаянныхъ удальцовъ?

— Ахъ, какая страшная правда, Муврахили!

— Да, Аксани, правда жестокая. Но будемъ надѣяться на Галискара.

— На Галискара! А что́ же онъ?

— Онъ велѣлъ сказать тебѣ: когда тебя привезутъ въ Эндери, куда и мы пойдемъ съ нимъ по слѣдамъ вашимъ, то старайся не быть проданною, прикинься больною и жди нашего прихода. Если, какъ говоритъ Галискаръ, намъ не удастся тебя выкупить, то мы возьмемъ тебя съ ножа. Послѣднее легко сбудется; въ первомъ случаѣ не знаю, на что́ надѣется нашъ общій другъ.

— Горькія, безотрадныя надежды, Муврахили! сказала дѣвушка едва удерживая свои слезы.

— Не плачь, Аксани. Я жизнью выкуплю твою свободу, но клянусь тебѣ: выкуплю ее. До свиданія. Караульный горецъ, кажется, замѣтилъ насъ.

— Прощай Муврахили. Прощай добрый мой. Если мы больше не увидимся, помни, что Аксани любила тебя: много любила!

Съ этими словами дѣвушка быстро выдернула свою руку изъ рукъ Ростиньяка и исчезла въ толпѣ женщинъ.

Трудно передать, что́ чувствовало въ эту минутр сердце молодаго человѣка. Обезсиленный горемъ и тоскою, онъ прислонился къ арбѣ, устремивъ безсмысленный взглядъ на толпу красивыхъ горя-

нокъ, которыя съ такимъ вниманіемъ наблюдали прекрасное лицо своего знакомца.

Но вотъ раздался повелительный голосъ старшины: «по мѣстамъ!» и, спустя нѣсколько минутъ, уже ни одной женщины не было на площадкѣ. Проводники подобрали котлы, впрягли лошадей, и караванъ тронулся.

На мѣстѣ опустѣвшей площадки остались Галискаръ и Ростиньякъ.

— Все кончено, я ее болѣе не увижу! сказалъ молодой человѣкъ, преслѣдуя взглядомъ отчаянія удалявшіяся арбы.

— Нѣтъ, еще не все, товарищъ, отозвался Галискаръ:—у насъ остается Тескольское Ущелье и его богатство.

— Молодой человѣкъ грустно улыбнулся.

— Не безумствуй, Галискаръ, сказалъ онъ:—за эту богатую надежду намъ не дадутъ и раздавленной виноградины. Въ добычѣ этого сокровища такъ много условій: лунное затмѣніе, камни...

— Не корми ты меня, кунакъ, грязью, и пожалѣй о томъ, что самъ наѣлся ее, сказалъ Галискаръ.—Завѣщаніе, которое читалъ ты мнѣ, такъ написано замысловато, что и самъ шайтанъ успетъ налъ

нимъ, добиваясь смысла, право! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что скряга Даміанъ нарочно придумалъ эту шутку, чтобъ измучить нѣсколько жадныхъ Евреевъ.

— Но, однако... возразилъ Ростиньякъ.

— Комъ грязи! говорю тебѣ, перебилъ Галискаръ:—не больше. Пхе! лунное затмѣніе! проворчалъ горецъ.—Да ужь коли говорить правду, такъ затмѣніе-то было вчера ночью.

— Возможно-ли, Галискаръ? вскричалъ Ростиньякъ, отступая отъ товарища нѣсколько шаговъ назадъ:—и ты не разбудилъ меня!

— Не разбудилъ! Не разбудилъ потому, что не нашелъ въ томъ надобности. Вѣдь мы съ тобой не въ Тескольскомъ Ущельи ночевали, а за день ходьбы до него.

— Но... коня

— Пхе! коня! Да кто же бы далъ намъ его?.. откуда?

— О, теперь все погибло! съ отчаяніемъ прошепталъ Ростиньякъ.

— Говорю тебѣ, что еще не все: есть надежда.

— Да гдѣ она? какая? Не-уже-ли ты думаешь, что тайна Тескольскаго Ущелья только намъ съ тобою извѣстна?

— Знаю, что нѣтъ...

— Кромѣ насъ, она извѣстна двумъ Маврамъ, которые, вѣроятно, съумѣли воспользоваться толкованіемъ завѣщанія.

— Ихъ счастье. Только врядъ ли они въ этомъ успѣли: луна плохая помощница въ этомъ дѣлѣ.

— Такъ послѣ этого, Галискаръ, гдѣ же сбыточность твоихъ надеждъ?

— Изволь, кунакъ, изволь, скажу. Мавръ, который провожалъ Даміана, умеръ, въ Драндѣ, на моихъ рукахъ. До смерти онъ меня нѣсколько разъ подзывалъ въ Тескольское Ущелье, на что, однако, ни онъ, ни я не рѣшались, напуганные его первой попыткой. Передъ смертью, за нѣсколько минутъ до послѣдняго вздоха, онъ тихо подозвалъ меня къ себѣ, со страхомъ осмотрѣлся кругомъ и, сжавъ мою руку, задыхаясь прошепталъ: «я думаю... подъ третьимъ камнемъ, направо при въѣздѣ у высохшаго ручья». Вотъ что, понимаешь? Луна намъ теперь и не нужна: мы попробуемъ вынуть Даміановскій кладъ изъ-подъ камня и при свѣтѣ солнца... душечка, слеза глазъ моихъ—Ростиньякъ!

— Все это такъ, Галискаръ... но Мавры...

— Да, дѣлать нечего; ужь если взяли, такъ не подѣлятся. Однако пойдемъ. Намъ все-равно, хоть и не за алмазами, однакожь нужно проходить Тескольскимъ Ущельемъ.

Друзья, не переставая разсуждать о сокровищахъ, снова отправились въ путь.

Смеркалось, когда путники, переправясь въ бродъ черезъ Баксанъ, стали взбираться на предгорья, поднимающіяся амфитеатромъ къ Тескольской Скалѣ. Отсюда, при закатывавшемся солнцѣ, они могли разглядѣть подножіе Эльбруса. Лѣса и необозримыя болота тянулись отъ него по скаламъ, вплоть до Садоктупа, у подошвы котораго раскидывались бѣдные аулы хищныхъ Кабардинцевъ. Внизу, подъ самыми ногами Галискара и Ростиньяка, открывалось Тескольское Ущелье

Нетерпѣливые отъ ожиданія путники, при видѣ мѣста, которое должно было рѣшить ихъ будущее, молча переглянулись между собою и прибавили шагу.

— Вотъ еще шагъ, сказалъ Галискаръ: — и мы съ тобою, Ростиньякъ, богаче Бимъ-Баши Бугуркальскаго, или...

Горецъ не договорилъ послѣдней фразы, какъ

неожиданная встрѣча заставила въ изумленіи остановиться обоихъ друзей. На шагъ отъ нихъ, при поворотѣ въ ущелье, лежалъ прострѣленный въ голову трупъ Мавра. Дальше, гдѣ начинались овраги и завѣтные камни, также валялся трупъ, должно-быть, тоже кладоискателя. Въ этомъ несчастномъ, по платью, путники не могли не признать европейскаго матроса.

— Вѣрно этимъ молодцамъ не счастливились въ жизни лунныя ночи, замѣтилъ Галискаръ... Ба! что́ съ тобою, Ростиньякъ, быстро спросилъ онъ:— ты блѣденъ, дрожишь!.. Скажи, ты какъ-будто чѣмъ испуганъ.

Ростиньякъ безумно посмотрѣлъ на своего товарища и медленно указалъ впередъ.

— Не видишь... развѣ не видишь? вскричалъ онъ.

Галискаръ повелъ глазами по направленію руки Ростиньяка, и остался нѣмъ и недвижимъ отъ изумленія.

У третьяго камня, справа при входѣ въ ущелье, съ открытыми и неподвижными глазами сидѣлъ Мавръ. Въ охолодѣвшей рукѣ его былъ сдавленъ пистолетъ, другая рука лежала на перевернутомъ камнѣ, а рядомъ съ нимъ, при закатывавшихся лучахъ

солнца искрились алмазы, только-что высыпанные изъ полуистлѣвшаго кожанаго пояса.

— Они! они!... вскричалъ Галискаръ, бросаясь къ сокровищамъ.—Теперь Аксани спасена!... могъ только сказать молодой человѣкъ, дрожа отъ восторга.

—

ГЛАВА VI.

ТОМЪ-КУКЪ.

Спустя полгода послѣ разсказанныхъ нами сценъ, въ одинъ изъ жаркихъ лѣтнихъ дней на корабельной пристани Кодора собралась толпа горцевъ, обрадованная приходомъ кочермы, которая ужь давно не являлась у береговъ Абхазіи.

По постройкѣ судна, его щеголеватой и роскошной отдѣлкѣ, легко можно было заключить, что пришелъ богатый купецъ съ грузомъ, какого ужь давно не видали ни щеголи—уздени, ни красавицы—княжескія жены. Въ ожиданіи каика съ прибывшаго судна, зрители расположились группами

и принялись за разсказы. Въ это время на пристани показался громаднаго роста плечистый горецъ, который, безъ церемоніи растолкавъ толпу Абазиновъ и сопровождаемый ихъ угрозами и бранью, несмотря на свои лохмотья, гордо повелъ вокругъ глазами и прыгнулъ въ лодку.

— Вези къ кочермѣ, вотъ тебѣ послѣдній мой чаури! сказалъ онъ, обращаясь къ Мингрелу, перевозчику, бросивъ почти въ лицо ему свою щедрую плату.

Мингрелъ молча и беззаботно взялся за весла, и въ нѣсколько взмаховъ ими ветхая его лодченка ударилась о бортъ судна.

Рослый горецъ ловко выпрыгнулъ изъ каика, такъ же ловко взбѣжалъ на верхъ кочермы и, посвистывая безпечно, отправился въ капитанскую каюту.

— Эге! говорилъ онъ, съ изумленіемъ осматривая богатое вооруженіе кочермы: — сказать по совѣсти, мнѣ не удавалось видѣть, чтобъ купецъ могъ щеголять такъ. Это вѣрно кто-нибудь изъ нашихъ; тѣмъ лучше: надежнѣе работа будетъ.

— Послушай-ка, пріятель! продолжалъ онъ,

спустившись въ палубу и обращаясь къ встрѣчному матросу:—какъ я пройду къ твоему капитану?

— Къ капитану?

— Ну да.

— А для чего тебѣ онъ?

— Развѣ ты поумнѣешь, когда узнаешь зачѣмъ?

— Не бранись, за это, вѣдь, и по шеѣ.

— Что́?

— А вотъ что́! и матросъ ловко хватилъ горца подъ бокъ.

Въ ту же минуту гость принялъ позу боксера, матросъ повторилъ ее — и кулаки замелькали. Не прошло и трехъ секундъ, какъ матросъ былъ сбитъ съ ногъ и брошенъ на полъ.

— Послушай, пріятель, спокойно сказалъ побѣдитель: ты славно дерешься на боксахъ, право, вѣрно Англичанинъ...

— Англичанинъ. Ну, а что́, еще хочешь, что ли?

— Нѣтъ, довольно!.. Обнимемся, я твой землякъ.

— Теперь повѣрю. Судя по твоему удару, ты, надо полагать навострился на бакѣ...

И земляки обнялись.

Матросъ, охая, отправился наверхъ; гость отворилъ дверь въ капитанскую каюту и въ нѣмомъ изумленіи отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

Передъ нимъ открылась каюта, убранная со всею восточною роскошью. На пышномъ диванѣ, крытомъ ослѣпительнаго пурпура шелковою тканью, полулежа молодая и красивая горянка, разсѣянно перебирала струны лютни. Взоръ ея, полный обаятельной любви, былъ устремленъ на мужа, помѣщавшагося рядомъ съ нею.

— Аксани!... Ростиньякъ!... прошепталъ рослый гость.

— Томъ! Томъ!... радостно вскрикнули наши знакомые, кидаясь на встрѣчу другъ другу.

— Какъ! тебя не изумляетъ мое появленіе, добрый товарищъ? спросилъ Шотландецъ.

— Нисколько, другъ мой, нисколько. Я душевно радуюсь этой встрѣчѣ. О томъ, что ты счастливо отдѣлался отъ твоего паденія въ пропасть, я узналъ отъ отца Аксани, котораго ты выручилъ изъ плѣна отъ Боддена, и который теперь вмѣстѣ съ Галискаромъ живетъ въ своемъ аулѣ попрежнему. Онъ же намъ разсказалъ и то, что ты спасъ на Хыцкорвѣ насъ отъ хищниковъ.

— Такъ, такъ! Не удалось тогда встрѣтиться. Я только на другое утро могъ переправиться за рѣку. Ну, дѣла! О многомъ надо объясниться намъ. Напримѣръ, позволь узнать... Но прежде рому!

Ромъ былъ поданъ. Томъ-Кукъ продолжалъ:

— Во-первыхъ, я желалъ бы знать, кто твои карманы набилъ золотомъ и, во-вторыхъ, какъ хорошенькая Аксани снова съ тобою. Ужь послушай, пріятель, не завладѣлъ ли ты сокровищами Даміана! смѣясь, сказалъ Томъ, проглотивъ залпомъ стаканъ грогу.

— Не смѣйся Томъ, серьёзно возразилъ Ростиньякъ.—Я дѣйствительно завладѣлъ сокровищами Тескольскаго Ущелья...

— Какъ, чортъ возьми! страшно вытаращивъ глаза, заревѣлъ Томъ.

— Такъ это ты... продолжалъ матросъ, почти ткнувъ пальцемъ въ грудь Ростиньяка: — ты завладѣлъ богатствомъ Даміана!

— Но, что́ же тебя удивляетъ, Томъ?.. Вѣдь ты мнѣ поставилъ его на карту—и карта твоя была бита!

— Ты правъ! хладнокровно и рѣшительно сказалъ Шотландецъ... Правъ и чистъ... Налей-ка...

Однакожь, нельзя ли узнать, какъ оно тебѣ досталось?

— Просто, очень просто: пришелъ, увидѣлъ и взялъ!

— Коротко и ясно... Налей-ка!... А знаешь ли ты, дружище, продолжалъ уже подгулявшій Томъ, кому ты обязанъ этимъ маленькимъ удовольствіемъ, ась?

— Не знаю... Маврамъ, которые...

— Ну не однимъ имъ, пожалуй, мнѣ, твоему любезному другу Тому, и мистеру Боддену...—

— Что́ ты говоришь, Томъ?...

— Правду, какой, какъ пороху, тебѣ не выдумать!

— Однакожь...

— Налей-ка... Слушай... Въ ночь лунаго затмѣнія я и Боддень отправились въ Тескольское Ущелье—я съ тѣмъ, чтобъ съ тобою встрѣтиться и поколотить Боддена за то, что не тронь того, что́ я проигралъ. Выѣхали мы въ ущелье... луна въ половинѣ... Глядь—два Мавра поднимаютъ камень... Едва только они отвалили его, какъ тысяча огней блеснули въ глазахъ нашихъ...

— Не тронь! ни съ мѣста! крикнулъ неисто-

во Бодденъ... Курокъ его винтовки брякнулъ... но тутъ я ужь ничего не помню. Раненный въ грудь, на два пальца ниже лопатки, я покатился въ глубокій оврагъ, и когда очнулся, въ ночь слѣдующихъ сутокъ, только нашелъ трупы Эл-Гакима Ризы и моего красавца Боддена... Налей-ко! Теперь радуюсь тому, что сокровища достались въ хорошія руки. Да здравствуютъ Аксани и Ростиньякъ! крикнулъ Томъ, приподнявъ стаканъ падъ головою...

— Спасибо! спасибо, другъ мой! говорилъ Ростиньякъ.

— Неначѣмъ... Послушай, товарищъ, вѣдь ты и не догадываешься зачѣмъ я къ тебѣ пожаловалъ? началъ Томъ.

— Я благодаренъ всякому случаю, каковъ бы ни былъ этотъ случай, за то, что онъ снова свелъ насъ съ тобою...

— Э... братецъ, перестань завивать твои слова въ кудри! Вотъ я скажу, такъ ужь очень просто: Ростиньякъ! возьми Тома-Кука къ себѣ въ матросы: ему ѣсть нечего... понимаешь?... Налей-ка.

Ростиньякъ былъ сильно тронутъ откровенностью и безкорыстіемъ Тома.

— Послушай, товарищъ, сказалъ онъ: — давай твою руку.

Томъ протянулъ Ростиньяку свою громадную ладонь.

— Будемъ попрежнему друзьями, продолжалъ молодой человѣкъ: — и позволь мнѣ подарить тебѣ эту кочерму...

— Спасибо Ростиньякъ, крѣпко тебѣ спасибо. заключилъ Томъ. Налей-ка!—сказалъ онъ и, ласково взглянувъ на Аксани, Шотландецъ осушилъ седьмой стаканъ своего любимаго напитка.